

A dark, high-contrast photograph of a cobblestone street. A long, dark shadow of a person is cast across the stones from the upper left towards the lower right. The text is overlaid on the image.

АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ

ЛЕОНИД

Александр Андреевич Проханов

Леонид

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6113227

Леонид. Роман: Книжный мир; Москва; 2021
ISBN 978-5-6045752-2-2

Аннотация

Новый роман патриарха современной русской литературы Александра Проханова поражает сочетанием несочетаемого: в нем реализм нашей жизни столкнулся с мистикой незримого мира, и их переплетение озарило как вспышка черной звезды тайные пружины российского закулисья, находившиеся во мраке. Автор проник своим гением не только в кремлевские кабинеты, но и в кремлевские души – вплоть до души хозяина Кремля. Вывернутые наизнанку и выложенные на солнце правды, эти души корчатся от ярких лучей и выдают тайные пружины своего властолюбия, пристрастий, метаний и желаний. Герои романа – черные тени тех людей, которых мы ежедневно видим на экранах, о которых читаем в склизких как разложившаяся плоть новостях интернета. Этот роман рассказывает то, о чем не решаются сказать самые ярые оппозиционеры. То, о чем вы догадывались, но даже не могли представить. Окультистские корни российской власти проросли из адских глубин. Зло, которое пыталось стать добром. Но у него ничего не вышло.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	44
Глава шестая	58
Глава седьмая	64
Глава восьмая	73
Глава девятая	90
Глава десятая	103
Глава одиннадцатая	126
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Александр Проханов
Леонид
Роман

Книга выпускается в авторской редакции.

* * *

© Александр Проханов, 2021

© Книжный мир, 2021

Глава первая

Леонид Леонидович любил свое имя. В этом имени светилась героическая античность. Напоминание о спартанском царе Леониде, что повел к Фермопилам войска и дал сражение персам. Это имя было созвучно космическим тайнам, которые проливались на землю бесшумными золотыми дождями. Несли с собой весть о божественных смыслах.

Президент России Леонид Леонидович Троевидов любил смотреть в зеркало, не потому, что был нарциссом, а потому, что на десятой минуте созерцания зеркало начинало мутнеть, наполнялось пепельной дымкой, и открывался путь в бездну. Леонид Леонидович летел в эту черную бесконечность, слыша гулы иных миров.

Та же бездна разверзалась, если он повторял до изнеможения одно и то же слово. Например, из пушкинского «мороз и солнце, день чудесный», начинал повторять слово «чудесный». При тысячном повторении слово проваливалось в черную бесконечность, и Леонид Леонидович падал в невесомость, испытывая сладострастие предсмертного мгновения.

Таким способом Леонид Леонидович научился прятаться от страхов, которые преследовали его в кремлевском кабинете, в салоне президентского самолета, на многолюдных конгрессах, или в тайных, наедине, беседах с мировыми правителями. Леонид Леонидович научился прятаться от тысяч

лиц, которые, как подсолнухи, поворачивались вслед ему, вопрошали, требовали, угрожали.

Леонид Леонидович искал, куда бы исчезнуть от изнуряющих встреч. В черную щель, где не было солнца, и куда не заглядывал ни один подсолнух.

Перед ним на столе орехового дерева белел лист бумаги. На нем лежала ручка, украшенная золотом и малахитом. На бумаге зеленело крохотное прозрачное существо со слюдяными крыльцами. Существо не двигалось, лишь слабо трепетали крыльца.

Леонид Леонидович взял линзу в бронзовой оправе, навел на существо. Насекомое было прозрачно, капелька зеленого сока. Тельце слабо пульсировало, крылышки поблескивали перламутром.

Леонид Леонидович удивился, каким образом существо оказалось в кабинете. Быть может, сквозь окно залетело из кремлевского сада, что темнел у зубчатой стены. Или его занес на одежде посетитель. Или он сам доставил его на своем пиджаке из загородной резиденции, где аллея высоких дубов, и цветут розы.

Сквозь линзу были видны крохотные, как золотые искры, глаза. Тончайшие прожилки на крыльях. Темный клубочек в прозрачном зеленом тельце.

Леонид Леонидович вдруг подумал, что это его смерть. Она была еще не в нем, но рядом, вблизи. Ее не сумела задержать охрана дворца, постовые у входа в башню. Перед ней

был бессилен кремлевский полк с пулеметами, танками, обученными солдатами, скрытыми в невидимых казармах. Гибель приблизилась к нему, темный клубочек, помещенный в зеленую каплю, был вместилищем его смерти.

Это не испугало Леонида Леонидовича. Он пристально сквозь увеличительное стекло разглядывал свою смерть, ее изысканные формы. Любовался ею.

Страна, которая была дана ему в управление, напоминала огромный рояль с октавами часовых поясов. Он давил грохочущую клавиатуру, извлекал гулы, сотрясавшие земную кору.

Еще Россия казалась ему огромной рыбой, всплывшей из пучины трех океанов. Когда рыба шевелила плавниками, щелкала жабрами, била хвостом, океаны выплескивались из берегов, и целые континенты уходили под воду.

Россия была громадным самолетом, который Леонид Леонидович поднял когда-то в небо. Оснастил могучими двигателями, сконструировал рули, вставил приборы, залил топливо в баки. Направил в полет. Теперь, по прошествии лет, двигатель давал сбои, топливо иссякало, рули перестали слушаться, приборы выходили из строя. Самолет терял управление. Снижался, готов был рухнуть, усыпав обломками, как это уже было однажды, пространство от арктических льдов до горячих пустынь.

Леонид Леонидович чувствовал приближение катастрофы, старался ее избежать.

Когда-то он виртуозно скользил среди мировых владык, равный им, принят в их избранный круг. Словно танцевал изысканный танец ловкий молодой танцор под люстрами бального зала. Теперь его изгнали из этого круга. Оттуда лилась ненависть. Ему отказывали во встречах, уклонялись от рукопожатий, наносили множество уколов. Он отвечал ненавистью, корчился, бессильно сникал.

Он возродил в России индустрию, утраченную в лихолетье. Восстановил заводы-гиганты, строившие лучшие в мире самолета и лодки. Устремил во все стороны света стальные жгуты газопроводов, стиснув ими Европу и Азию. Ставил атомные станции у Персидского залива, на берегах Ганга и Янцзы, в Карпатах. Привозил из заморских стран драгоценные заводы и вживлял их, словно саженцы, в русскую почву. Как садовод, ожидал, когда диковинные деревья станут плодоносить.

Ему ответили блокадой. Изгоняли с рынков, разрывали контракты, отказывали в технологиях, налагали ареста на банковские счета. Возрожденные заводы чахли. Государственная казна мелела. Великие проекты остановились. Стихали моторы, и в тишине затихших моторов становился слышен народный ропот.

Роптали те, кто недавно молился за него в церквях, называя спасителем Крыма. Роптали те, кто переселился из убогих квартир в уютные коттеджи, разъезжал в дорогих автомобилях. Театральные режиссеры, которым он даровал те-

атры, высмеивали его в своих спектаклях. Молодые реперы лезли из всех подворотен, сотрясали концертами города, требовали перемен, захлебываясь матом, гнали его из Кремля.

Но самый опасный ропот издавали те, кто получил из его рук нефтяные поля, алюминиевые заводы, электростанции, банки. Эти недавние друзья заискивали и улыбались при встречах, но тайно давали деньги оппозиционным бунтарям и хулителям.

Леонид Леонидович чутко, словно утечку газа, улавливал душок предательства. Тот сквознячок, что тянет из-под двери, за которой собрались заговорщики.

Как приговоренный к виселице чувствует кадыком близкую петлю, так Леонид Леонидович чувствовал судьбу дальних и близких предшественников, горькую долю царей и вождей, которых удушали шелковым шарфом, били в висок табакеркой, взрывали динамитом, стреляли в глухих подвалах, вливали в вино яд. В кадыке начинал дрожать твердый шарик, как у птицы, подавившейся орехом.

Зубчатая кремлевская стена была челюстью, которая вонзилась в Леонида Леонидовича и сжималась. Дыхание становилось сиплым, глаза выпучивались, золотые главы соборов начинали качаться, колокольня Ивана Великого отламывалась от своего основания.

Ему чудились шаги заговорщиков. Заговорщики принадлежали к ближнему кругу. Подносили на подпись бумаги, со-

проводили в поездках, сидели рядом на тайных советах, где решалась судьба государства. Леонид Леонидович не знал их поименно, но они были здесь. От их присутствия мутнели люстры в Георгиевском зале. Золотые буквы на белом мраморе становились черными.

Хитроумный план явился ночью, когда за окнами спальни шумел весенний дождь. На бархатных клумбах пробивались красные острия пионов. Водянистый свет скользнувшей мимо машины зажег хрустальную слезку в люстре.

Леонид Леонидович решил внести в Конституцию поправку, утверждающую пост вице-президента. Дублера, который мог заменить Президента, если тот выбывает из строя. У заговорщиков появлялась вторая мишень. Их сознание раздваивалось. Вся система власти с лабиринтами, тайными отсеками и ходами, нарушалась. Там где раньше были проходы, теперь возникали тупики. Где прежде находились президентские покои и кабинеты, появлялись солдатские казармы и посты охраны.

План казался гениальным.

Леонид Леонидович осуществил его с согласия Председателя Думы. Тихий умница с черными преданными глазами, Председатель умел различать все оттенки запахов, исходящих от власти.

Он утвердил свой план с помощью искусственной дамы, управляющей тяжеловесными, обидчивыми сенаторами. Дама за свою долгую жизнь меняла множество политических

туалетов. Теперь же, возглавив Совет Федерации, меняла одежды, взятые из гардеробов императриц, с мехами, шелками, бриллиантами. Глава Конституционного суда, шелестящий, с пергаментным лицом правовед, помог вставить в Конституцию поправку. Так опытные дантист вставляет имплант, который не мешает жевать.

Этот план Леонида Леонидовича благословил Патриарх, который горько переживал церковный раскол, страдал радикулитом, но превозмог болезнь и приехал в президентскую резиденцию, сообщив, между делом, Леониду Леонидовичу, что натирает спину спиртом африканских муравьев.

Пост вице-президента был утвержден, но еще не занят. Леонид Леонидович ждал, когда приведенные в смятение заговорщики себя обнаружат.

Сквозь увеличительное стекло он рассматривал крохотную зеленую тварь, проникшую в его кабинет. Тварь, в свою очередь, рассматривала Леонида Леонидовича. Его круглое, слегка оплывшее, с молочной белизной лицо. Светлые, вьющиеся, как у ребенка волосы. Маленькие аккуратные бачки, из-под которых выглядывали небольшие уши. Розовые, капризно оттопыренные губы. Овальный подбородок с мягкой ямочкой. Говорили, что Леонид Леонидович похож на императора Александра Первого, который избежал насильственной смерти, скрывшись в лесном скиту.

Леонид Леонидович приблизил к зеленой твари палец с холеным ногтем надавил. Пузырек лопнул, капелька зелено-

го сока расплылась на бумаге. На глазах высыхала. Пора было принимать посетителей.

Пресс-секретарь Симеон Викторович Пушнов появился бесшумно, легкий, как пух. Его бестелесность была оболочкой, куда помещал себя Леонид Леонидович. Оболочка была прозрачной, сквозь нее просвечивал Леонид Леонидович в той степени, в какой надлежало его видеть народу.

Симеон Викторович стремился сделать из себя копию Президента. Носил бачки. Застегивал манжет не пуговицей, а золотой запонкой, как Леонид Леонидович. Усвоил манеру ходить, прижимая к бедру правую руку и сильно взмахивая левой. На пресс-конференциях, прежде чем начать говорить, делал широкий жест рукой, словно дарил слушателям еще не произнесенную речь, повторяя этим самым жестом Президента.

Только глаза не сумели приобретать сходство с голубыми, как апрельская вода, глазами Леонида Леонидовича. У Симеона Викторовича глаза напоминали фары «Ситроена», за что в журналистских кругах он получил прозвище «Ситроен». Глаза выдвигались из орбит, превращаясь в яркие прозрачные трубки. Совершали круговой обзор, и резко вдвигались в череп. Прятались, почти пропадали. Вплоть до следующего внезапного выброса. Казалось, Симеон Викторович дышит глазами. Это вызывало у журналистов шутки, в которых пресс-секретарь сравнивался с рыбой, обладающей телескопическим зрением.

Симеон Викторович стоял перед Президентом. Его глаза покинули на время глазные впадины, чутко внимали, угадывали, ждали повеления.

– Вы вчера говорили, Симеон Викторович, о каком-то голливудском фильме. О заговоре против Президента России. О чем фильм?

– Голливудский штамп, Леонид Леонидович. Третьесортные актеры, дешевый сюжет.

– В чем сюжет?

– Русские военные летчики, недовольные войной в Сирии, подняли самолеты и разбомбили Кремль. Не стоило бы обращать внимание, но фильм вышел в интернет. На пресс-конференции американец из «Лос-Анджелес тайм» спросил, видел ли этот фильм Президент России.

– Мы знаем, Голливуд – это департамент американской разведки. Любой заговор существует, либо его провоцируют. Сообщите американцу, что русские летчики на тяжелых бомбардировщиках совершают трансатлантические полеты к Америке. На радарх Лос-Анджелеса это отчетливо видно.

Симеон Викторович сделал глубокий вздох. Его глаза погрузились в углубления черепа, словно унесли с собой ответ Президента.

Леонид Леонидович не сомневался в существовании заговора. Заговор созревал, как слива, наливался фиолетовой тьмой. Оставалось понять, кто из близких друзей готов предать. Ибо предателями становятся самые близкие. Те, кто по-

дает к обеду отравленное вино. Открывает дверцу заминированного автомобиля. Указывает снайперу маршруты движения.

Леонид Леонидович хотел разглядеть на лице пресс-секретаря фиолетовый цвет созревающей сливы. Но лицо сохранило цвет папиросной бумаги. Маленькие бакенбарды, золотая запонка в манжете подтверждали абсолютную преданность. Пресс-секретарь был предан тому, по чьему образу и подобию был создан.

– Хотел сказать, Леонид Леонидович, как недостойно и гадко повел себя писатель Куевда. Мы ему помогали, выдали президентский грант для написания книги. Оплачивали зарубежные поездки. Он выпустил книгу под названием «Спальня Президента». Поехал в Париж и презентовал свою книгу. Сколько же там гнусных куртуазных вымыслов! Сколько мерзких намеков! Президент предстает как ненасытный распутник. Описываются его связи с балеринами, спортсменками, а так же с буфетчицами и прачками. Этот мерзавец Куевда клялся в дружбе, выпрашивая грант. И при первом же случае искусал руку, которая кормила его. Надо бы его проучить!

– Не стоит, Симеон Викторович, – усмехнулся Леонид Леонидович, – Было бы хуже, если бы я предстал бессильным импотентом. Наполеон был распутник, но это не вредило его репутации. Наша либеральная интеллигенция, Симеон Викторович, это слизь, которая закупоривает легкие го-

сударства. Когда ее слишком много, государство перестает дышать и погибает. Государство разрушают интеллигенты, создавая протестную музыку плодя насмешки и анекдоты, печатая пасквили на героев и государственных мужей. Эту либеральную слизь нельзя побороть. Она не умирает в ГУЛАГе, как думали коммунисты. Ей нужно противопоставить другую слизь, патриотическую. Пусть две слизи пожирают друг друга. Как имя того литератора, который написал книгу о присоединении Крыма?

– Лызгов.

– Дайте ему президентский грант. Пусть поставит по книге фильм. Откройте ему дорогу на телевидение.

– Гениально, Леонид Леонидович! Одна слизь поедает другую!

Глаза Симеона Викторовича совершили вдох и выдох. Вылупились далеко за пределы глазниц, как светящиеся водянистые трубки, а потом втянулись обратно.

Леонид Леонидович подумал, что подобным образом ящерица выбрасывает стремительный язычок, ловит муху и сглатывает, поедая трепещущее насекомое.

– Ну а как журналисты относятся к учреждению поста вице-президента? – Леонид Леонидович тщательно копил все высказывания по этому поводу, надеясь в разноголосице мнений уловить признаки заговора. Так элементарная частица, выпущенная из фазотрона, пролетая сквозь облако других элементарных частиц, оставляет заметный след.

– Ну что сказать, Леонид Леонидович? Как всегда, много дурацких насмешек, едких издевок. Интернет зубоскалит. Обвиняют вас в антиконституционном перевороте. Но серьезные аналитики одобряют. Считают, что это вас разгрузит. Часть внутренней политики вы можете доверить вице-президенту.

– Я ничего никому не могу доверить! – раздраженно воскликнул Леонид Леонидович.

Пресс-секретарь смутился тем, что раздосадовал Президента.

– Но серьезные аналитики из «Центра Карнеги» замечают, что теперь обострится борьба элит за право занять этот пост.

– Элиты должны соперничать. Объединенные элиты – это угроза для государства.

– Вы просили, Леонид Леонидович, готовить пресс-конференцию для итальянских журналистов. Какие материалы вы хотели бы посмотреть?

– Что-нибудь про код да Винчи, который предсказывает эру великого союза России и Италии, – усмехнулся Президент.

– Такие материалы найдутся, – усмехнулся в ответ Симеон Викторович, довольный тем, что развеселил Президента. Глаза его сделали вздох и выдох. Выпали из глазниц и снова удалились в глубину головы.

Глава вторая

Кресло с золоченой спинкой, стоящее напротив Президента, занял режиссер Федор Ильич Рифленый. Его театр пользовался расположением Леонида Леонидовича, в отличие от тех микроскопических театров, что, как сыпь, усеяли Москву и ставили спектакли, где актеры матерились, обнажались, совокуплялись, в иносказательной форме издевались над государством и самим Леонидом Леонидовичем. Эти театры, как маленькие нарывы, выделяли тлетворную лимфу, отравляющую общество.

Режиссер Рифленый был полный, с жирными плечами, щекастой головой, которая покоилась на короткой шее. Кажалось, голова лежит на комке сдобного теста. Федор Ильич молодился, красил волосы. Ногти были покрыты прозрачным лаком. Он носил на плечах артистический шарф. От Федора Ильича пахло духами.

– Как чувствуют себя театры? По-прежнему в репертуарах одни Дяди и Вани? – благодушно пошутил Президент.

– Вы правы, Леонид Леонидович. Удручает однообразие подходов. Везде один и тот же дядя Ваня, то выкрашенный в зеленый цвет, то в шелковых кальсонах, то в кожаной ту-журке комиссара, в галифе, с маузером. Приходите в мой театр, Леонид Леонидович, и вы почувствуете дыхание нашего времени. Времени Президента Троевидова!

– К сожалению, мне не хватает времени посетить ваш замечательный театр. Меня отвлекают театры военных действий. То Сирия, то Донбасс. Но я обязательно к вам приду. Что вас заботит, Федор Ильич?

– Я затеял грандиозный спектакль, небывалый! Такого, поверьте, нет в современном репертуаре! – голова режиссера заколыхалась на мягкой шее, как на резиновой подушке, – В этом спектакле проходит вся русская история, от языческих истоков до наших дней. Киевская Русь! Московское царство! Романовская империя! Сталинский Советский Союз! И, наконец, нынешнее Государство Российское!

– Грандиозный замысел, Федор Ильич. Он, скорее, не для театральной сцены, а для стадиона, – заметил Леонид Леонидович.

– Вы прозорливец, Леонид Леонидович! Именно для стадиона! Но главное открытие, главное откровение в том, что актеры изъясняются на языке репа. Молодежь воспримет русскую историю, потому что ее расскажут на понятном языке, на языке репа!

– И что же, весь стадион будет материться? – съязвил Леонид Леонидович.

– Зачем? Только в некоторых сценах. Это будут рэп-батл на протяжении всего спектакля. Россия всю свою историю вела баталии. Вся русская история – это сплошной рэп-батл. Война Святослава с печенегами. Русские стрельцы и поляки. Солдаты Наполеона и солдаты Кутузова. Красноармейцы и

гитлеровцы. Сталин и Гитлер. Всё рэп-батл! Язык сражений, язык Победы! И вы, Леонид Леонидович, то есть, актер, вас играющий, вступите в рэп-батл с президентом Америки. И, конечно же, вы побеждаете!

– Мне придется материться? – Леонид Леонидович притворно испугался.

– Вовсе нет! Только самую малость. Пусть молодежь видит в вас своего. Это будет небывалый триумф! – режиссер стал багровым. Шея покрылась пятнами, как кожа тритона. Он казался комичным в своем творческом ослеплении. Но Леонид Леонидович стал задумчив и мечтателен.

– Русская история – это не время, не последовательность событий, не перечень войн и правлений. Не список государственных переворотов. Русская история – это таинственная птица, которая свила гнездо в недрах народа, поселилась в народе, направляет его по историческому пути. Переносит через пропасти, ведет в атаку, устремляет в Арктику и пустыню. Венчает в победах, вселяет надежду в поражениях. Говорю это, Федор Ильич, вам, кто задумал историческую драму, где нашлось место и мне. Птица русской истории вселяется не просто в народ, а ищет среди народа героя, в которого влетает, наделяет чудесными силами, делает царем, вождем, наконец, Президентом. Каждый великий русский правитель держал в руках Жар-птицу русской истории. Она перелетала из царства в царство, от одного царя или вождя к другому. Пока ей ни становилось тесно или скучно. Тогда

она вылетала из ослабевших рук правителя. Тогда царство падало, правитель бесславно затухал, а Птица истории искала нового героя. Вселялась в него. И тот летел впереди своего народа на крыльях этой огненной птицы.

Федор Ильич потрясенно внимал, забыв закрыть рот с голубоватыми зубами. Президент исповедовался перед ним. Это изумляло режиссера, казалось верхом доверия. Но и пугало. Президент вверял ему свою тайну, которую потом мог потребовать обратно. Красные пятна на шее Федра Ильича гуляли. Спускались под рубаху, невидимые, расплывались по телу. Вновь появлялись из-под ворота. Краснели, как следы чьих-то страстных поцелуев.

– Помню, как в меня вселилась Птица русской истории. Так женщина помнит момент зачатия. Я лежал в спальне с открытым окном. Была чудесная летняя ночь. Пахли невидимые клумбы. Восхитительно пел соловей. Я заснул и вдруг почувствовал, как кто-то ударил меня клювом в лоб. Подумал, это соловей влетел в комнату и клюнул меня. Вся комната озарилась чудесным светом, словно за окном пролетел метеорит. Я потерял сознание. Когда очнулся, было темно, пахли душистые табаки на клумбах, пел соловей. Но я чувствовал, как мне тесно в груди, трудно дышать. Что-то вселилось в меня, притаилось под сердцем, вздрагивало. Это Птица русской истории влетела в меня и свила во мне гнездо. Я стал гнездом этой Птицы.

Режиссер Федор Ильич Рифленый понимал, что ему

открывается тайна российской власти. Лицо Президента округлилось, голубые глаза расширились и пожелтели, как у совы. Нос заострился и загнулся, как клюв. На плечах шевелились упругие бугры, будто крылья продирались сквозь ткань пиджака. Федор Ильич был знаком с русскими сказками об оборотнях. Ему казалось, в кресле сидит огромная, покрытая перьями сова с круглыми золотыми глазами.

Наваждение миновало, перед ним снова сидел Президент с бачками, русыми вьющимися волосами, водянистыми голубыми глазами.

– Вы собираетесь ставить спектакль о русской истории? – произнес Леонид Леонидович, – Не вздумайте верить моему рассказу. Каждый раз я по-новому рассказываю об этом чуде. В другой раз вы услышите, что она вселилась в меня на берегу озера, во время дождя. Чудо не связано с местом и временем. Оно вне времени и пространства. Одно хочу, чтобы вы знали. Не я управляю Россией, а Птица русской истории управляет мной. Это она побудила меня сесть в самолет, прилететь в разгромленный Грозный, принять военный парад на аэродроме с обломками самолетов. Это она заставила меня подавить олигархов, которые возомнили, что им принадлежит власть в государстве. Это она, вещая Птица, побудила меня положить все силы на восстановление оборонных заводов и разрушенных храмов. Она летела впереди танковых колон, спешивших на помощь Южной Осетии. Она укрепила мою волю, и я отдал приказ войскам войти в

Крым. Она из Космоса наводит русские самолеты на цели в Сирии и не дает мне пасть духом во время переговоров с американцами. Посмотрите на меня, Федор Ильич. Я похож на гнездо, в котором поселился аист? – это было сказано так, что Федору Ильичу показалось, будто все услышанное является не более чем розыгрыш.

Но потом явилась догадка, что Президент дарит ему замысел спектакля. Не того, с балаганным рэп-батлом. А другого, о нем, Президенте, носителе русской тайны.

– Знаю одно, Леонид Леонидович, вы величайший русский лидер, которому нет равных в русской истории.

Федор Ильич уже отказался от прежнего театрального замысла. Он обожал Президента. Был предан ему безгранично. Его царственный облик, благородное сходство с помазанником делали Федора Ильича верноподданным престола. Федор Ильич был готов умереть за своего Президента, как умирали за царя и вождя. В нем созревала пьеса о Птице русской истории.

– Но видите ли, Федор Ильич, в сюжете вашей пьесы наступает момент, когда Птице русской истории становится тесно в свитом гнезде. Она тяготеет героем, в которого влетела. Хочет его покинуть. Ищет другое гнездо. Весь драматизм вашего спектакля состоит в том, кто станет следующим героем русской истории? В кого вселится Птица? Что станет с тем, кого она покинула? Сколько при этом совершится убийств, раздоров, предательств? Это Шекспир, Федор

Ильич, настоящий Шекспир!

Режиссер изумился ясновидению Президента. Тот угадал его новый замысел, давал направление сюжету. Президент заказывал ему новую пьесу. Пьесу о себе самом. Ненавязчиво, иносказательно делал ему заказ, как цари и вожди делали заказы придворным художникам. И тогда появлялись великие оперы, дивные портреты, несравненные поэмы. Федору Ильичу выпала огромная удача. Ему Президент поручал эту государственную имперскую работу. Выделял из всех остальных режиссеров.

– Я учредил пост вице-президента. Для того чтобы найти героя, в которого могла бы вселиться Птица русской истории. Этот пост еще не занят. Вы, Федор Ильич, человек огромной творческой интуиции. Кто, по-вашему, мог бы занять этот пост?

– Нет, нет! – замахал руками Федор Ильич. Красные пятна все разом хлынули из-под ворота в лицо Федора Ильича, и оно стало багровым, как ошпаренное. – Даже и думать не хочу!

– Но вам все равно придется в вашей пьесе сделать этот выбор. Кто может стать героем новой русской эпохи? Быть может, нынешний Премьер-министр? Или кто-то из миллиардеров? Или какой-нибудь армейский генерал? Или руководитель разведки? Все достойны, все способны управлять государством.

– Я не буду писать эту пьесу, Леонид Леонидович! – в го-

лосе режиссера задрожали слезы. – Не могу представить другое лицо на вашем месте. Пусть пост вице-президента остается не занятым. Вы незаменимы, Леонид Леонидович. Есть Президент Троевидов, есть и Россия. Нет Троевидова, нет и России. Нет и меня! Мы, русская интеллигенция, присягнули на верность России, на верность вам, Леонид Леонидович! Пусть делают со мной, что хотят. Выламывают руки. Подвешивают над огнем. Поднимают на дыбу. У меня был и есть только один Президент! – горло режиссера Рифленого бурлило. Он разволновался так, что жар преданности хлынул ему в голову, и его крашенные волосы стали седыми у корней.

Леонид Леонидович с удовольствием это заметил. Он умел рождать в людях обожание к себе. За этим иступленным обожанием было невозможно скрыть вероломство. Перед ним сидел обожатель, который никогда не предаст. А это было редкостью среди русских интеллигентов.

– Спасибо, Федор Ильич, за то, что навестили меня. Мне нравится замысел вашей пьесы о Птице русской истории. Обратитесь к Министру культуры, обсудите финансовые проблемы. А я ему позвоню.

Леонид Леонидович смотрел вслед уходящему режиссеру, затылок которого колыхался, как мягкое тесто.

Глава третья

В золоченом кресле, где минуту назад восседал режиссер, теперь находился «газовый магнат» Борис Генрихович Шаронов. С Леонидом Леонидовичем они были старинные друзья. Соседи по дачным участкам, каждый в шесть соток. Обращались друг к другу на «ты». Борис Генрихович был остроплеч, с узким лицом, словно побывавшем в тисках, с заостренным костяным подбородком. В глазах не угасали черные огоньки, напоминавшие свинцовые дробинки. Он имел седину голубовато-лунного цвета. На сухих губах появлялась улыбка, не язвительная, даже если он делал замечание подчиненному, а мягкая, почти виноватая. Борис Генрихович был хозяин газовой империи, владел заводами в Сибири, на Дальнем Востоке. Теперь же построил завод на Ямале, на кромке Ледовитого океана. Туда шли ледоколы, проламывали полынью для громадных танкеров. Те загружались сжиженным газом и плыли, одни в Испанию, другие в Японию.

– Я шел по твоему дворцу, Леня, и знаешь что вспомнил? Как мы добывали навоз для наших участков. Один грузовик на двоих. А потом помогали друг другу его разбрасывать. Теперь ты сидишь в кремлевском дворце, и тебя встречают как государя-императора.

– Боря, я по-прежнему разбрасываю навоз. Только уча-

сток в одну седьмую часть суши.

Они засмеялись, два счастливица, проскользнувшие сквозь игольное ушко чудовищных лет. Баловни, уцелевшие среди смертельных катастроф. Победители среди множества проигравших и забытых.

– А что, скажи, стало с Коноваловым? Ну тот, который жил через дом от нас? Кажется, был профессор? – Леонид Леонидович глубоко вздохнул, словно ловил дым самовара, который разводил Коновалов, зазывал на чай соседей.

– Спился профессор. Я потерял его из вида. Он все бранил комитетчиков, пил, поминал жертвы репрессий. А потом пропал в какой-то кардиологической клинике.

– А Шульц? Он был чемпион Ленинграда по боксу. Убил кулаком бездомную собаку. Ездил на чемпионаты Европы.

– Он стал бандитом. Его пристрелили, то ли свои, то ли милиция. Я пару раз ему помогал, но видно пуля для него уже была отлита.

– А Филюгин? Помнишь, который заведовал кооперативом? Каждую вторую копейку клал себе в карман. Он-то как?

– Он, Леня, теперь в Англии, в банке «Барклай». Помогал мне кредитоваться, когда я строил завод в Тобольске.

Леонид Леонидович предавался воспоминаниям о той поре, когда на крохотных садовых участках зацветали первые яблони, и садоводы устраивали праздник урожая, угощали друг друга плодами, наливали в стаканы шипучий сидр.

– Слушай, Леня, приезжай-ка ты ко мне на Ямал. Уви-

дишь завод. Это настоящее русское чудо. В мерзлоте, на берегу Ледовитого, стоит красавец! Атомные ледоколы. Газовозы, как плавающие города. Ты же об этом мечтал. Без тебя я бы не совладал. Под твою гарантию строил. Банки под твоё имя давали кредиты. Ты с королем Испании договаривался о поставках. В Японии обеспечил рынок. Приезжай, отдохнешь душой.

– Хочу посмотреть. Устал от правозащитников, законников, от дураков в правительстве, от силовиков-дуболомов, от шелестящих дипломатов. Хочу увидеть, как в Арктике Россия строит порт, завод, город. Иначе зачем мне быть Президентом?

– Кстати, Леня, мне нужно получить лицензию еще на несколько газовых месторождений. Министр природных ресурсов упрямится. Дескать, места естественного проживания ненцев. Что-то про оленей, про ягель, про чумы. Ты поговори с дураком. Скажи, я всех ненцев переселю в чумы с газовым отоплением. Кстати, твоя доля в моей компании увеличится.

– Ну, мы с тобой соседи по дачному кооперативу. Всегда поможем друг другу, – они засмеялись. По-прежнему их участки находились рядом, но теперь границы этих участков омывали три океана.

– Как ты считаешь, Леня, иранцы могут перекрыть Ормузский пролив? Допекут их американцы своим эмбарго? Японцы лишаются иранского газа и нефти, и мои газовозы в Япо-

нии будут втройне востребованы.

– Исключено. Это означает войну. Американцы станут бомбить Тегеран. Иран станет бомбить Тель-Авив. Вся бензиновая канистра Ближнего Востока будет взорвана. Огонь долетит до Европы и Азии.

– А Курилы? Надо отдать, наконец, Японии эти две скалы. Почему ты с этим тянешь, Ленья?

– Пожалуйста, занимайся газовыми полями Ямала. А внешнюю политику предоставь мне, – Леонид Леонидович недовольно сдвинул брови. Бачки на висках сердито полезли вверх. Рот стал маленький, как злой хоботок. Водянистые глаза потускнели, в них перестал отражаться свет.

Борис Генрихович не заметил этих перемен. Не заметил недовольства, которое могло обернуться гневом. Если кто-нибудь неосторожно приближался к запретной теме, касался его президентской власти, то рисковал вызвать гнев Президента. Леониду Леонидовичу в последнее время казалось, что эту власть у него хотят отобрать, он окружен заговорщиками, и этих заговорщиков он искал среди самых близких сподвижников.

– Нет, Ленья, мне кажется, нужно разрядить обстановку. Мы со всеми вокруг перессорились, а это мешает большому бизнесу. Надо кинуть кость. Отдать эти паршивые острова, а взамен получить японские технологии, кредиты. Не исключая, и специальные выплаты. Они бы не помешали, не правда ли? Да и крупный бизнес перестанет ворчать на тебя.

– Прошу тебя, Борис Генрихович, не совать нос в политику! – рот Леонида Леонидовича вздрагивал, словно чмокал. Казалось, он посылает Шаронову воздушные поцелуи. Но это были пузырьки бешенства, которое копилось у Леонида Леонидовича и оставалось незамеченным Борисом Генриховичем. – Ты был хозяйственником, им и остался! Тебе невдомек, что за японцами стоят американцы. Отдаем острова японцам, а американцы размещают на них береговые батареи ракет. Русский Тихоокеанский флот оказывается запертым. Отдаем острова Японии, и сразу немцы потребуют Кенигсберг. Латыши и эстонцы потребуют земли в Псковской области. Украинцы начнут возвращение Крыма. Китайцы заявят претензии на земли до Байкала. Ты это понимаешь, голова садовая? – «головами садовыми» они называли друг друга, когда были соседями в садовом кооперативе. Теперь же Леонид Леонидович этим прозвищем хотел утихомирить себя самого. Не дать своему гневу безудержно хлынуть наружу.

Но Борис Генрихович не услышал сигнал.

– А что, Леня, ведь теперь-то видно, чего нам стоил и еще будет стоить Крым. Плата слишком велика. Ты послушай, что говорит бизнес, что говорит интеллигенция. Может, нам стоит помириться с Америкой и Европой? Вернуться в «докрымские» времена?

Глаза Леонида Леонидовича стали жутко фиолетовыми. На висках под бачками вздулись синие вены. Из рта полетел

жаркий воздух. Казалось, поднеси спичку и зашумит газовая горелка. Этой горелкой Леонид Леонидович жег испуганного Шаронова. Так палят щетину на поросенке.

– Ты мне, тварь, будешь указывать? Ты, мышинный помет, будешь грозить? Пугать крупным бизнесом, который сгнил на корню и не может кормить государство? Пугать интеллигенцией, которая подобна венерической болезни?

– Да нет, Леня! Я только хотел сказать, что, быть может, нам нужно мягче относиться к Америке и Европе? Где-то промолчать, где-то уступить, – заикался Борис Генрихович. Но Леонид Леонидович уже захлебывался яростью:

– Ты, побирушка, который через забор просил у меня на бутылку! Ты, кого я тащил, как тачку с навозом! Кого я столько раз вытаскивал из-под следствия! Уговаривал бандитов снять со счетчика, не дырять тебе башку! Кому я дал бизнес, связи, положение в обществе? Ты поднялся против меня? Все вы против меня?

– Леня, побойся Бога! Ты же знаешь, я руки тебе готов целовать! Без тебя я ничто! Все мы без тебя ничто! – жалобно оправдывался Шаронов. Но Леонид Леонидович был неуправляем. Гнев ревел, жег, бешено брызгал. В нем содрогалась раскаленная топка, из которой дул свистящий сквозняк. В этой топке скакало чудище, выдирило когтями его сердце. Он пылал, как мертвец в крематории. В нем лопались жилы, горели, как головни, кости. Его сгоравшая плоть, словно факел, летела наружу, оставляя раскаленную пустоту. В ней

дымилась и осыпалась окалина.

– Руки мне целовать? Ничто без меня? Зачем ты летал в Вашингтон и встречался с этим рыжим сенатором?

За моей спиной договариваешься с американцами? Меня сдаешь, а себе покупаешь жизнь? А кто, скажи мне, спонсирует этот гребаный телеканал, который называет меня «убийцей сирот» и «главным вором в России»? И что это за «космическое государство» вы создаете? Взамен Государству Российскому, Президентом которого я являюсь?

– Ты не прав, Леня, не прав! – умолял Шаронов. Его уложенные, голубоватые волосы растрепались. Костяной подбородок размяк. Нос провалился. – Леня, ты сам просил меня встретиться с сенатором Гелси, прозондировать расклад в сенате. А с этими педиками на телеканале, ты сам мне приказал дать им денег, чтобы они умолкли! Верь мне, Леня! До гроба с тобой! А «космическое государство» – это шутка, игра! Ты, Леня, истинный Президент России!

Гнев иссякал. Леонид Леонидович чувствовал едкую пустоту, в которой догорали последние гневные слова. Становилось тошно. Казалось, за эти несколько гневных минут он состарился на десяток лет. Становилось стыдно перед другом, которого напрасно обидел. Хотелось каяться. Должно быть, так безумной истерический Грозный Царь рубил головы, а потом, рыдая, записывал имена казненных в синодик, велел в монастырях молиться за них.

– Я ссорюсь с американцами, вас защищаю. Строю раке-

ты и лодки, чтобы американцы сюда не сунулись. Если придут, все у вас отнимут. Банки, корпорации. Пусть скудоумные патриоты думают, что я спасаю Святую Русь. Я спасаю ваш бизнес, Боря.

Борис Генрихович видел, что беда отступила. Удобнее утвердился в кресле, из которого готов был выпасть и бухнуть перед Леонидом Леонидовичем на колени.

– Мы это понимаем, Леня! Мы понимаем! Нельзя доверять американцам. Они всех и всегда кидают.

– Дайте мне время – обессилено произнес Леонид Леонидович – Мне нужно время. Я снова двинусь вперед! Мы должны перетерпеть. Россия должна перетерпеть и не устраивать революцию.

– Да мы первые будем ее подавлять! – властно произнес Шаронов. Его взлохмаченные волосы сами собой улеглись. Нос твердо выпрямился. Подбородок жестоко заострился, – Мы не допустим хаоса!

Леонид Леонидович чувствовал усталость. Его глаза потеряли фиолетовый цвет, стали младенчески голубыми. Бачки на круглых щеках слабо золотились. Сходство с августейшей особой усилилось.

– Я ввел пост вице-президента. Кто бы мог его занять, как ты думаешь? Мало ли что со мной может случиться. Кто-нибудь из вашей когорты?

– С тобой ничего не случится, Леня! За тебя в монастырях молятся. Кого назначишь вице-президентом, того и на-

значишь. Не нам судить.

– Ну спасибо, Боря, ступай. Извини, что погорячился.

– Да ну, все по-дружески, Леня, все по-дружески. А с министром о газовых месторождениях поговори.

Они обменялись поцелуями. Леонид Леонидович уловил, как пахнет от Бориса Генриховича французской туалетной водой.

Глава четвертая

Леонид Леонидович, оставшись один, полулежал в кресле, делал глубокие вдохи и выдохи. Ему не доставало кислорода, который сгорел в гневной топке. Он представлял, что гуляет в дубраве после дождя, так чудесно дышится, желуды в темной листве, словно самородки. Леонид Леонидович ждал еще одного посетителя. После встречи он отправится в бассейн, кинется в изумрудную воду и поплывет баттерфляем, превратившись в хрустальную бабочку.

В кабинет вошел его доверенный порученец. Прежде личный охранник, теперь он был исполнитель тайных операций, иные из которых он осуществлял без согласования с Президентом. Последствия этих операций врывались в прессу шумными публикациями о загадочных смертях и нераскрытых убийствах.

Порученца звали Светоч. Это было не имя, а позывной, которым тот пользовался, работая в подразделении специальных операций. Звали же его Антон Ярославович Светлов.

Светоч вошел в кабинет бесшумно, ибо ставил ногу на носок и лишь потом касался пола пяткой. Это делало походку неслышной, даже если на пути попадался лесной сучок. Это позволяло задержать на секунду шаг, когда в последний момент глаз обнаруживал противопехотную мину. В кремлевском кабинете пол был инкрустирован дорогими породами

дерева, без трескучих сучков и противопехотных мин. Но походка Светоча уже не менялась. Он шел по Кремлю так, словно это были чеченские тропы.

Лицо Светоча состояло из двух половин. Одна половина с крепкой скуластой щекой, светлой бровью и серым внимательным глазом. Другая напоминала застывшую лаву, вся в рябых метинах, рубцах, с заплатами пересаженной кожи. Бровь отсутствовала, как будто ее срезали. В глазнице недвижно стекленел зеленоватый глаз.

Лицо Светоча изуродовал взрыв. Телохранитель прикрыл собой Леонида Леонидовича на трассе в окрестностях Сочи, где на Президента было совершено покушение. Кумулятивная граната разорвала бронированный Мерседес, убила водителя, а Светоч заслонил Леонида Леонидовича, получил ожег плазмы.

Леонид Леонидович навещал в больнице раненного телохранителя. Когда тому собирались вставить стеклянный глаз, настоял, чтобы глаз был выточен из горного хрусталя. Леонид Леонидович слышал, что в Аркаиме в древних погребениях находят черепа, у которых в глазницы вставлены горные хрустали. Солнечный свет, проходя сквозь горный хрусталь, преломляется и связывает земную жизнь с жизнью иных миров.

Светоч, получив хрустальный глаз, обрел тайную зоркость, созвучную с прозрением. Он умел предугадывать еще не совершенные покушения. Раскрывал заговоры на стадии

их зарождения. Вычислял предателей под личиной самых преданных Президенту друзей.

Секретные операции, которые проводил Светоч в интересах государства, привели к устранению назойливой журналистки, что расследовала причину взрывов в Москве. Тогда были снесены несколько жилых домов. Журналистка утверждала, что Леонид Леонидович причастен к этим взрывам. Ее застрелили в день рождения Леонида Леонидовича, и это было своеобразным подарком, который Светоч преподнес Президенту, что вызвало яростный гнев Леонида Леонидовича.

Известный оппозиционный политик Борис Немцов был застрелен на мосту, напротив Кремля, куда выходили окна президентского кабинета. И это выглядело, как подарок, что сопровождалось гневом Леонид Леонидовича и угрозой уволить Светоча.

Немцов, разъезжая по Америке и Европе, потрясал банковскими счетами, утверждая, что в банках хранилось несметное состояние Президента, делавшее его самым богатым человеком земли.

Еще одна операция Светоча привело к загадочной смерти опального олигарха Березовского. Тот жил в Лондоне, грозил Президенту чудовищными разоблачениями. Его нашли мертвым в ванной. На груди лежала записка: «Уходя, гашу свет». Леонид Леонидович топал ногами на Светоча, говорил, что был готов простить Березовского, и его смерть при-

чинила вред государству.

Особой заслугой Светоча было создание «искусственного интеллекта». Система просматривала миллиарды телефонных сообщений и электронных посланий, выуживала кодовые слова и шифры. Выявляла зоны, где была высокая вероятность заговора. Зоны назывались «Сгустки». На «Сгустки» нацеливались спецслужбы. Раскрывались имена заговорщиков, их связи, адреса, сам характер заговора. Проводились аресты.

Это позволяло предупреждать покушения, предотвращать диверсии, обезвреживать террористов.

Система создавалась с помощью самых талантливых программистов, нейролингвистов, специалистов по символам и тайным знакам. Система называлась «ОГ», то есть «Око государево». Леонид Леонидович не возражал против названия. Знал увлечение Светоча родной историей.

Но главным достоинством Светоча была его прозорливость. Оснащенность тайными знаниями, которыми его научили удмурдские шаманы, нанайские колдуны, марийские волхвы. С помощью тайноведения Светоч не только распознавал заговорщиков, но и блокировал экстрасенсорные атаки, направленные на Леонида Леонидовича силами тьмы. Светоч называл себя светлым магом.

Леонид Леонидович не вникал в природу знаний, которыми владел его придворный кудесник. Патриарх строго-настрого запретил Леониду Леонидовичу заниматься волхова-

нием. Но иногда, сидя в кабинете, Леонид Леонидович видел, как воздух вокруг темнеет. Казалось, в золоченый кабинет проникает дым. Что-то осыпалось с потолка, похожее на пепел. Это Светоч разбивал и рассеивал сгусток тьмы, предотвращая удар, направленный в Леонида Леонидовича.

– Как выглядит твоя «топография тьмы»? – Леонид Леонидович смотрел на гибкого, мягко ступающего Светоча, словно тот шел по канату. – Откуда угрозы? – Леонид Леонидович имел в виду электронную карту, на которой, как на рентгеновском снимке легких, видны были затемнения.

– «Топография тьмы» почти не изменилась, Леонид Леонидович. Самыми черными остаются Москва и Петербург. Другие города-миллионники. Конечно, Кавказ. Есть очаги в Якутии, в Татарстане. Но что тревожит, – появились затемнения в исконно русских регионах. В Вологде, в Костроме. Спецслужбы раскрыли в Костроме террористическую организацию школьников. Они называют себя «Молодая гвардия». Готовили покушение на мэра. Хотели взорвать мост через Волгу, – Светоч мерцал горным хрусталем. В глубине кристалла трепетало рубиновое зернышко, излетал тончайший луч. Искусственный глаз был лазером, дальнобойным прицелом, позволял Светочу безошибочно распознавать цели, – Правозащитники раздувают скандал. Обвиняют нас чуть ли ни в убийстве детей.

– К черту правозащитников! – вспыхнул Леонид Леонидович, представляя их каркающую стаю. – Самое страшное –

это русский террор! С кавказским мы справимся, а русский, если начнется цепная реакция, не остановить! Действуйте беспощадно! Нет детей, а есть террористы!

– Играют в подпольщиков, в партизан, – искусственный глаз Светоча источал теперь изумрудный свет. Лазер перестроился на другую волну, бил зеленым лучом, пронзая невидимую мишень.

– Русские – не забыли пугачевщину, – жарко говорил Леонид Леонидович. – Терпят, терпят, а потом снимаются с места и выходят на большую дорогу. Эти дети станут караулить на дорогах мэров и губернаторов, взрывать поезда и атомные станции. Пресекать на корню! Беспощадно!

– Хотел сообщить, Леонид Леонидович, Москва насыщается черными магами. Под видом художников, блогеров, публицистов. Они собирают черную энергию, как черные пчелы собирают черный мед. Эту черную энергию они превращают в сгустки, направляют в Кремль. Мне все трудней с ними бороться, Леонид Леонидович, – горный хрусталь в глазу Светоча источал аметистовый луч. Этот чуткий луч был направлен в окно, где круглились серебряные купола Архангельского собора, и за ними в дымке переливалась Москва.

– Кто насыщает Москву магами? Магами или бумагами? – неудачно съязвил Леонид Леонидович.

– У меня нет достоверного ответа. Возможно, один из тех, кто называет себя вашим другом.

– Шаронов? У него бегающие глаза предателя. Он дружил с лондонским мерзавцем, который, «уходя, выключил свет». Теперь он создает какое-то «космическое государство» вместо Государства Российского!

– Это не Шаронов. Но тот, кого вы очень близко к себе подпустили.

– Он тоже «уйдет, выключив свет»!

– Когда лондонский предатель, голый, стоял на коленях в ванной, и ему затягивали на горле шарф, он умолял о пощаде. Возносил вам хвалу. Уверял, что знает имена заговорщиков. Но не успел назвать. Умер от разрыва сердца.

– Значит, заговор существует? Что говорит твое колдовское знание?

– Чувствую, что заговор существует. В самом близком окружении. Но пока не могу доказать, – горный хрусталь переливался радугами. Светоч менял частоту излучения, старался настроить волшебный лазер на искомую цель. Но цель ускользала.

– Кругом предатели, только и ждут моего конца. Уйду из Кремля, покину кабинет, и начнется! Спустят на меня всех бешенных псов. Чтобы самим уцелеть, станут меня топить. Писаки ничтожные уже романы свои написали, держат в столах. Дескать, московские дома я взорвал! И подводную лодку с моряками я потопил! И политиков оппозиционных, кому пуля, кого в тюрьму! И тех журналист, которые сунулись в Центрально-африканскую республику! Кро-

вавый режим Троевидова! Детей избивал дубинами! Отравителей посылал за границу! Сам вор, украл несметные миллиарды, лежат в зарубежных банках! Дружкам своим на разграбление отдал Россию! В Сирию русских солдат умирать посылал! Крым украл у нищенки-Украины! «Русскую весну» подавил на Донбассе! Курилы хотел отдать! С Западом рассорился, экономику России загробил! Гонку вооружений развязал! Имперскую традицию возродил! Сталинистов поддерживал! Что еще? Потепление климата устроил? Кеннеди застрелил? Царевича Дмитрия зарезал? – Леонид Леонидович стонал. Видел, как из всех углов смотрят на него ненавидящие глаза, хохочут слюнявые рты. Эти ненавидящие глаза во все времена появлялись из темных углов. Ядовитый смех всегда раздавался за спиной падающего кумира. Народ предавал кумиров. Так предали царя Николая, предали Сталина, валили статуи, вытаскивали ночью из мавзолея. Так предали Хрущева, вышвырнули, как шелудивого щенка, из власти. Так предали Брежнева, создали из него чучело, увешенное орденами. Так предали Андропова, отключив искусственную почку. Так измывались над старым Черненко, который задыхался от астмы. Так глумились над Горбачевым, который укрылся в Форосе. Так спаивали Ельцина, превратили его в животное. И ему, Троевидову, уготована та же участь? Участь русского вождя и правителя?

– Вы, Леонид Леонидович, самый великий русский правитель. Вы создали Государство Российское. Без вас не было

бы России, не было бы народа. В вас вселился Бог, и вы с его помощью возродили Россию.

– Это не Бог. Это Птица русской истории! – страстно подхватил Леонид Леонидович.

Здоровый глаз Светоча сиял. Преданно взирал на Президента. Горный хрусталь в пустой глазнице казался бриллиантом. Леонид Леонидович благодарно смотрел на того, кто однажды уже спас его от смерти. Спасет и второй раз.

– Есть еще одна информация, Леонид Леонидович. Наша разведка сообщает, что в состав военно-морского флота США поступила секретная лодка-малютка с миниатюрным атомным двигателем и дальнобойным лазером. Лодка, не всплывая, способна сбивать воздушные цели, следующие над акваторией. На верфи в штате Мэн были построены три лодки подобного типа. Две из них направлены в Средиземное море, к берегам Сирии. Третья прошла проливы и находится в Черном море. В этой связи, Леонид Леонидович, следует пересмотреть маршруты ваших вылетов из Сочи. До минимума сократить время пребывания над морем. Я на этом настаиваю.

– Мерзавцы! – Леонид Леонидович издал звук, похожий на рык, – Зовут на переговоры в Женеву, а сами готовят на меня покушение! Пусть командующий Черноморским флотом пошлет в море все противолодочные корабли! Поднимет в воздух всю противолодочную авиацию! Заметят лодку в территориальных водах, топить безжалостно!

Леонид Леонидович чувствовал, как обступили его враги, караулят в небе, в море, в золоченых дворцах, на русских дорогах. Он вцепился пальцами в край стола, так что ногти его побелели.

– Скажи мне, Антон Ярославович, – обратился он к Светочу, – Как ты думаешь, зачем я учредил пост вице-президента?

Светоч задумался, собираясь дать осторожный ответ. Но вдруг вскочил, метнулся к окну. Раскинул руки, надвинулся на стекло, словно хотел закрыть окно грудью.

Леонид Леонидович видел, как сотрясается Светоч, словно в грудь ему наносили удары кувалдой. После нескольких страшных ударов Светоч осел на пол, бессильно свесил голову.

Леонид Леонидович заметил, как с потолка осыпается серая пудра, крохотные чешуйки пепла. Это Светоч отразил грудью сгусток тьмы, посланный магом. В который раз заслонил Леонида Леонидовича от гибели.

Глава пятая

Винтомоторный разведчик АН-12 возвращался на военно-воздушную базу Хмеймим. В салоне, на столе была развернута карта Сирии с районами боевых действий, зонами ответственности, которые контролировали американцы, иранцы, турки. Были отмечены территории, где размещались курдские боевые отряды и подразделения Хизбаллы. Стрелы указывали наступления сирийской армии. Были начертаны цели, по которым наносила удары русская авиация. Вся карта с коричневыми горами и зеленою долин, с синим языком Средиземного моря, была в разноцветных значках, по которым скользила указка. Ее держал начальник разведки, громадного роста полковник с грубым лицом, напоминавшим стиснутый кулак – так близко друг к другу располагались синие глазки, курносый нос, неправильный рот. Все это было окружено могучими складками, хрящами и жилами.

Три другие офицера следили за указкой, переспрашивали командира. Его зазубренный хриплый голос сливался с металлическим гулом моря. Солнце сквозь иллюминатор то ярко озаряло карту с красными и синими метинами, то уходило из салона, когда самолет менял курс, отворачивал от районов, где мог находиться противник с переносными зенитно-ракетными комплексами.

Самолет совершал облет территорий, где проходили конвои с гуманитарными грузами. Прокладывал безопасные трассы, по которым конвои могли беспрепятственно достигнуть пунктов назначения.

– Здесь надо брать северней. Правильно я говорю? Идти по грунтовкам, под прикрытием сирийских укрепрайонов, – начальник разведки шевелил выгоревшими бровями, кривил рот, словно хотел раздвинуть мешавшие говорить скулы. Но те давили, как тиски. – На прошлой неделе дурни-голландцы направили конвой к курдам, а наши долбанули их по-полной. Сожгли шесть машин. Опять в комиссии американцы драли глотки. Нам это нужно, я спрашиваю?

– Американцы и по грунтовкам свои конвои пустят под наши бомбы. Им повод нужен, чтоб глотки в комиссии драть, – замначальника разведки бил в карту ногтем с черной подковкой грязи.

Подполковник Александр Трофимович Верхотурцев не вступал в разговор. Он присел у иллюминатора, глядя на закопченный алюминиевый кожух двигателя, на стрекозиный блеск винта. Ему слышалось, что мотор поет железную песню. Верхотурцев подбирал под песню слова. Оказывалось, что на этот напев одинаково ложатся слова колыбельной и военного марша.

Лоб, который подполковник прижал к иллюминатору, был в пятнистом загаре, словно некоторые участки кожи были нечувствительны к солнцу. Щеки чуть впали, как у худых

подвижных людей, отчего серые глаза под густыми бровями казались большими. Нос узкий, прямой. Уголки рта слегка опущены, отчего лицо казалось печальным. До тех пор, пока Александр Трофимович ни улыбался такой открытой и радужной улыбкой, что другие улыбались в ответ. Форма под цвет пустыни сидела на нем ловко и даже щеголевато. Было видно, что и в боевых условиях он следит за собой. Погоны на прямых плечах не мялись. От волос пахло слабым одеколоном.

Подполковник Верхотурцев видел тень самолета, которая скользила по серым холмам, желтоватым предгорьям. Мучнисто белели дороги, в них вливались тропы. Горстки домов были окружены зелеными полями, но зелень была неяркой, блеклой, словно поля были побиты засухой.

Город, который проплывал под крылом, был похож на улей с открытыми сотами, – так выглядели дома, лишённые крыш. Ещё один город напоминал желтую вафлю, в которую превратился после бомбовых ударов.

В стороне, в тумане возникали взрывы, похожие на крохотные капустные кочаны. Они космато разрастались, их сносило в сторону. Там шел бой, стреляли танки. Самолет осмотрительно обогнул место боя.

Подполковник Верхотурцев за год пребывания в Сирии привык созерцать эту землю, набитую сталью, которую вонзали российские штурмовики, дальние бомбардировщики, крылатые ракеты, запущенные с кораблей и подводных ло-

док. И всегда, когда летал, глаз тревожно искал на земле малую вспышку, кудрявый след летящей к самолету ракеты.

Но полет завершился благополучно. Лишь дважды к ним опасно приближались израильские истребители. Были видны лица пилотов, желтые звезды на фюзеляже.

Вдруг сочно, солнечно полыхнуло море. И тревога исчезла. Больше не будет вспышки и кудрявого следа.

Самолет стал недоступен для зенитных ракет. Скоро начнет снижаться, и на базе, после душа и вкусной еды, его ждет волейбольная площадка с тугими ударами меча.

– Ну что, Александр Трофимович, вместе пойдем на доклад к начштабу? – к нему наклонилось тяжелое, как красный корнеплод, лицо начальника разведки.

– Я поддержу все ваши предложения, Николай Константинович, – ответил Верхотурцев.

– Батюшки, смотри-ка, смерч!

Скрученный жгут впился в море. Как хобот, опустился к воде, питал огромный, летящий в небе шар. Шар был черный, в нем мерцали молнии, брызгал фиолетовый сок. На суше, где смерч приближался к морю, оставался белесый след. В море, куда впился смерч, раскрылась яма. В ней кипела вода. Казалось, из ямы вылез кривой червяк, грызет громадное яблоко. Червяк качался, его вместе с яблоком сносило в море. В яблоке проступало лицо, ртутно мерцали глаза, болтались космы, опадали мгlistым дождем.

Самолет, избегая смерча, отвернул и пошел в открытое

море. Смерч гнался за самолетом, норовил достать.

– Посильнее любого взрыва. Попадешь, сомнет, как бумагу, – сказал начальник разведки. А Верхотурцев перешел в хвост самолета, чтобы наблюдать за смерчем.

Смерч удалялся, напоминая уродливого танцора на тонкой ноге.

Американская мини-лодка покинула секретный док в Неаполе, где она укрывалась от спутников. Сутки находилась в Тирренском море, а потом пересекла Средиземное море, прошла вдоль Северной Африки и затаилась у берегов Сирии. Миниатюрный атомный реактор позволял лодке долгое время оставаться под водой. Обеспечивал лодку электричеством, кислородом. Питал дальнобойный лазер, способный пронзять лучом толщу воды и сбивать воздушные цели. При этом лодка оставалась невидимой, луч лазера не фиксировался противником.

Лодка несколько дней дежурила в подводном положении, ожидая появления цели, на которую укажет командование и отдаст приказ на уничтожение.

Вблизи от лодки курсировали корабли Шестого американского флота. Русская эскадра проводила учения, и противолодочники ходили кругами, прощупывая море гидролокаторами и гидрофонами. Прошел греческий сухогруз, направляясь из Пирея в Тунис. Над морем появлялись израильские истребители и турецкие бомбардировщики. Русские самолеты взлетали с базы и уходили на бомбежку вглубь Сирии, из-

бегая появляться над морем. Наконец, на третьей сутки боевого дежурства радар лодки, способный просматривать небо из подводного положения, обнаружил тихоходную воздушную цель. Это был русский самолет-разведчик, завершивший полет и идущий на базу.

Уклоняясь от смерча, самолет изменил курс и делал дугу над морем.

С флагмана Шестого флота на лодку поступил приказ уничтожить воздушную цель. Радар лодки, созданный по секретным технологиям, некоторое время вел самолет, наводя лазер. После чего был произведен выстрел.

Луч прошел толщу воды, оставляя в ней прозрачную трубку. Незримой молнией рассек небо и поразил самолет.

Удар пришелся по фюзеляжу, разрезав алюминий, как бумагу. Лишенный хвоста, самолет продолжал лететь, вращая винтами. Хвостовой обренок летел отдельно. Головная часть загорелась и стала падать, а срезанный хвост кувыркался, и его несло туда, где вращался смерч.

Лодка, выполнив боевое задание, ушла на глубину и взяла курс на Неаполь.

Подполковник Верхотурцев смотрел на смерч, который, словно черная балерина, крутился на одной ноге. Рокот винтов вел протяжную песню «Полюшко-поле», которую они пели в детском доме. Их выстраивали на сцене, учитель пения дирижировал, страстно вздрагивал бровями, поднимался на цыпочки, всплескивал руками, словно хотел взлететь.

Верхотурцев вспомнил дощатый забор с зарослями растений. Их называли «щелкунчиками». На водянистых стеблях было много прозрачных плодов, напоминавших сердечки. Если тронуть сердечко, оно взрывалось, выбрасывало зернышки, а пустая оболочка завязывалась в затейливый узелок.

Верхотурцев почувствовал, как колыхнуло самолет.

По овалу фюзеляжа побежал шипящий огонек, полетели капли. Самолет с треском стал разрушаться. Носовая часть салона со столом и стоящими офицерами удалялась. Верхотурцев, вцепившись в кресло, оказался перед зияющей пустотой, которая ревела. Его сорвало с места. Вылетая из самолета, он успел запомнить оплавленный, в каплях, срез фюзеляжа, и начальника разведки с растопыренными руками, висящего над столом.

Удар сжатого воздуха оглушил Верхотурцева. Он падал, переворачивался, как парашютист в затяжном прыжке. В глазах лопнули сосуды. Небо казалось красным, и море казалось красным, и в этой багровой заре удалялся черный обрубок самолета с работающими винтами.

Верхотурцев рушился в ревящем ветре. Не было мыслей, а только ухало, готовое разорваться, сердце.

Приближалось солнечная рябь.

Он почувствовал, как его разворачивает, будто он попал на свистящий волчок. Его завинчивало, всасывало, погружало в секущие брызги. У него откручивали голову, отрывали

руки. Наступила тьма.

Он не знал, что его захватил смерч, замотал в скрученный жгут, замедлил падение. Его подбрасывало вверх, где раскрывалась огромная черная юбка. Его подкидывало и роняло. Он был, как целлулоидный шарик в струе фонтана.

Смерч поиграл с ним. Чья-то огромная рука плавно опустила его к морю и кинула. Он шумно упал. Видел, как удаляется смерч, который изжевал его и выплюнул в море.

Он ушел в глубину. Солнце окунуло в зеленую воду ша-тер лучей. Из одежды, из волос поднимались серебряные пузыри. Задыхаясь, боясь захлебнуться, Верхотурцев стал толкаться руками и ногами, стремясь к поверхности. Вылетел в брызгах, издав стон.

Кругом было море, бежали мелкие волны. Удалялась размытая колонна смерча. Далеко, в розовой дымке, виднелся берег. Берег был так далеко, что невозможно было доплыть. Ботинки, одежда тянули на дно. Мелькнула бессильная мысль, – сложить руки и утонуть, избавиться себя от мучений. Но тут же другая мысль, – случилось чудо, он был чудом спасен, и это чудо продолжится, не позволит ему погибнуть.

Он стал стягивать ботинки, цепляя одной ногой другую. Набрал воздух, ушел под воду и содрал ботинки, видя, как они погружаются в глубину.

Всплыл и лег на спину. Вода, наполнившая глазницы, расплывалась радугой.

Верхотурцев стянул с себя рубаху, брюки, трусы. Все это

ушло в глубину. Он остался голый с алюминиевым крестиком на капроновом шнурке. Стало легче держаться на воде.

Верхотурцев лег на спину, слыша, как звенит вода. Грудь блестела на солнце.

Он медленно поплыл к туманному берегу. Плечи болели. Смерч вывихнул ему руки.

Он был оглушен. То, что случилось, было рядом, было в нем, гудело, ревело. Было в серой дымке, куда ушел смерч. Было в волнистой линии берега, куда удалился разрезанный самолет, и в оплавленном овале салона начальник разведки перевертывался, как космонавт.

Не было сил думать об этом. Надо было сберечь чудесное избавление. Не исчезнуть в зеленом рассоле чужого моря.

Верхотурцев плыл, останавливался, ложился на спину. В плечах набухли больные суставы. Вывихи болели, мешая плыть. Кляп вздулся в груди, не давал дышать. Но этот кляп не позволял утонуть. Он был как рыбий пузырь.

Лежа на спине, Верхотурцев забылся. Дремал среди звенящих шлепков. Ему казалось, что под сердцем у него бьется странный плод. Как у женщины, в которой случилось зачатие. У него не было сил изумляться. Он доверил себя чуду, что вырвало его из горящего самолета, подхватило в свободном падении, втянуло в ревуший волчок, а потом мягко сбросила в море.

Он дремал, чувствуя под сердцем дышащий плод.

Сквозь звон воды уловил слабый стрекот. Стал крутить го-

ловой, захлебнулся. Кашляя, выплевывая соленую воду, увидел лодку. Она шла далеко, против солнца. Исчезала в блеске и вновь появлялась, длинная, с заостренным носом. На таких сирийские рыбаки ходят в море.

Верхотурцев стал кричать, махать рукой, выталкивал себя из воды. Обессилил, лег на спину и вновь на мгновение забылся.

Когда очнулся, лодка была рядом, шла на него.

Она была построена из длинных крашенных досок, зеленая, с красной полосой по борту. Нос возвышался, на нем были нарисованы глаза с белыми веками и ресницами. Должно быть, эти глаза углядели Верхотурцева в море.

В лодке виднелись люди. Они указывали в сторону Верхотурцева.

Лодка приблизилась, прошла рядом, бурун от винта хлестнул Верхотурцева в лицо, и он захлебнулся. Пока откашливался, лодка сделала круг, подошла. Несколько коричневых лиц и жилистых рук потянулись к нему. Когда его тащили из моря, и он терся голым животом о деревянный борт, снова успел подумать, что его избавление – дело чьей-то безымянной воли, которая не оставляет его.

Рыбаки уложили его на дно лодки, на мягкие тюки и веревки. Что-то говорили, спрашивали. Он не понимал их язык. Смотрел на худые загорелые лица. Один был с бородой в желтом картузе. Другой, горбоносый, носил мятую шляпу. У третьего, с волосами до плеч, лоб был перевязан лентой.

Они обращались к Верхотурцеву, указывали в море, видимо спрашивали, откуда он взялся.

– Я русский! Хмеймим! Летчик! – Верхотурцев показывал в небо, в море, на далекий розовый берег. Рыбки переспрашивали, растерянно повторяли:

– Россия! Хмеймим! – недоверчиво смотрели в пустое небо, в пустое море.

Его оставили лежать на днище, прикрыли голое тело ветошью. Корма была заполнена рыбой. Длинные серебряные рыбины имели фиолетовый отлив. Глаза золотые с черной сердцевинкой. Рыбы уснули, лишь изредка то одна, то другая поднимала хвост, раскрывала красные жабры.

Верхотурцев дремал среди рыб, вдыхал запах молока и слизи. Слышал, как стрекочет двигатель, волны стучат о днище, как переговариваются рыбаки.

Очнулся, когда лодка ткнулась в деревянный причал. Кругом теснились другие лодки, такие же остроносые, зеленые, с нарисованными глазами. По берегу сновали люди, выгружали из лодок носилки с рыбой. Виднелись белые, яркие на солнце дома, высокие изгороди. Зеленела главка мечети. Пахло дымом. Кругом было море. Море солнечно сверкало за домами и луковичкой минарета.

Верхотурцев подумал, что это остров, один из тех, над которыми пролетали самолеты, заходя на посадку.

На причале появился человек в белом до земли одеянии, с черной бородой. Он теребил четки, перебирал цветные ка-

мушки. Ему указывали на Верхотурцева, повторяли:

– Россия! Хмеймим! – Указывали в море, в небо. Человек строго слушал, играл четками. Сделал знак и пошел с причала.

Рыбаки подняли из лодки Верхотурцева, поправили на нем сползавшую ветошь и повели на берег. Когда он ступил на песок, шагнул в узкий, окруженный стенами проулок, его стал бить озноб.

Тряслось тело, стучали зубы, ходили ходуном глаза. Он кашлял, слезы текли. Ком, который образовался под сердцем, рвался наружу. Из ушей, из носа текла кровь. Казалось, сейчас у него случится выкидыш. Плод выскользнет вместе с кашлем и в красной слизи упадет на песок. Верхотурцев сел на землю, и его продолжало трясти.

Его взяли на руки, внесли сквозь деревянные, крашенные синим ворота в дом и положили на низкий топчан, накрыли лоскутным одеялом.

Он продолжал сотрясаться, испытывал запоздалый страх. Видел удалявшийся обрубок самолета, море, к которому приближался в падении. Старался схватить пустоту, ревуший мокрый волчок, который увлек его, стал скручивать, ломая руки и горло.

Верхотурцев содрогался под лоскутным одеялом, пока ему ни принесли в стаканчике горячий чай. Он пил, согревался. Озноб оставил его. Он засыпал, видя беленую стену и на ней открытку с какой-то мечетью.

Верхотурцев спал с редкими пробуждениями. То лежала на стене малиновая полоса заката. То в темноте теплился масляный огонек. То оконце наполнялось серым светом, и рядом уныло пел муэдзин.

Верхотурцев услышал стук башмаков, русскую речь. В комнатку вошел замначальника штаба и два офицера.

– Александр Трофимович, вы? Что случилось?

– Шли на посадку! Смерч! Как бритвой! Капал металл! – Верхотурцев хотел приподняться, но бессильно упал.

– Не сейчас, не сейчас, Александр Трофимович, – остановил его замначальника штаба. – Несите его в вертолет!

– А что с самолетом?

– Упал на мели у берега. Все погибли. Только вы в рубашке родились!

Солдаты на носилках понесли его в вертолет. Их проводила ватага детей, бежали собаки. У вертолета стоял знакомый бородач в белых одеждах. Тербил камушки четок.

Вертолет взлетел, и скоро Верхотурцев оказался на базе, в госпитале. Военврач с бородкой, похожий на чеховского героя, осторожно ощупывал его суставы, спрашивал:

– А здесь? А здесь?

Появился контрразведчик, присел в головах на стул:

– Вы уверены, что на борту не было взрыва?

– Только слабый толчок. После чего фюзеляж стал разваливаться.

– Не было осколков, взрывной волны?

– Было ощущение, что по обшивке вели автогенном. Я видел огонек и капли металла.

– Не заметили на море вспышку? След ракеты?

– Ничего. Только смерч, в котором вспыхивали молнии.

– Может, в самолет попала шаровая молния, вылетевшая из смерча?

– Возможно. Но я не заметил.

– Как вы, падая с высоты трех тысяч метров, остались живы?

– Чья-то рука спасла. Может быть, Божья.

Контрразведчик ушел, задумчивый, писать донесение, в котором отсутствовала версия «Божьей руки».

Глава шестая

Подполковник Александр Трофимович Верхотурцев лежал под капельницей, в одиночной палате. Слышал, как начинают дребезжать стекла, когда взлетают самолеты и уходят на бомбежку. Возвращаются на базу, чтобы забрать груз бомб и ракет и снова уйти на удар. По звуку он определял тип самолетов, а значит, и цели, к которым они летели. Бомбардировщики, обрабатывающие городские кварталы. Штурмовики, пикирующие на укрепления. Истребители, уничтожающие колонны и одиночные цели в пустыне. Тихоходные самолеты дальней разведки с грибами радаров. Транспорт, доставляющие на базу летчиков из России.

Он слушал металлические голоса самолетов, и глаза его были полны слез.

Он испытывал жалость ко всему, о чем думал, ко всем, кто являлся в его памяти.

Ему было жаль начальника разведки, нелепо повисшего над столом. Распиленного самолета, который вращал винтами и летел погибать. Было жаль карты в салоне, где синей струйкой извивался Евфрат, и поселки на правом берегу, по которым будет нанесен удар. Было жаль растений с водянистыми стеблями, которые были усыпаны сердечками, и те взрывались в руках, сворачиваясь в забавные узелки. Вызывал жалость дощатый забор вокруг детского дома, и трава,

из которой звенел кузнечик. Он любил его слушать, но ни разу не видел стрекочущее тельце. Было жаль учительницу, у которой был приспущен чулок. Было жаль лодку с глазами, и заснувших на днище рыб. И бородатого араба в белых одеждах, который тербил разноцветные четки.

Александр Трофимович вспомнил молодого сирийского солдата, с которым уселись в разболтанную боевую машину, и та, с диким грохотом, мчалась в руинах, где засел гранатометчик. И когда пролетели опасный участок и вышли из машины, он заметил на шее солдата православный алюминиевый крестик. Они поменялись крестами. Верхотурцев надел на солдата свой серебряный крест, а себе взял простой, алюминиевый. Они расстались, чтобы никогда не встретиться. И теперь, с туманными от слез глазами, Александр Трофимович молился о сирийском солдате.

Он вспомнил, как наводил самолеты на укрепрайон под Алеппо. Лежал на вершине холма, рассматривал в бинокль перемещение танков, грузовики с пехотой. Ждал прибытие авиации. По сухой земле текла струйка муравьев. Каждый нес на спине капельку черного солнца. Муравьи не замечали его, не замечали рацию, автомат, близкую долину с тягачами, которые тащили артиллерию, и скоро полетят штурмовики, превратят укрепрайон в клубы горчичного дыма, и он перестанет повторять по рации:

– Я – «Сапсан»! Я – «Сапсан»! Вижу шесть коробок и полсотни карандашей! Прием!

Теперь, в палате ему было жаль муравьев в их неведении, в их целенаправленном слепом стремлении, переносивших на глянцевиных спинках капельки черного солнца.

Снова появился врач с маленькой, как котлетка, бородачкой. Заметил слезы на щеках Верхотурцева:

– Что-нибудь болит?

– Мы все заблуждаемся, доктор. Там, у забора жил кузнецик. Так чудесно стрекотал. Не знаю, есть ли он там теперь? – ответил Верхотурцев, боясь разрыдаться.

– Ничего, подполковник. Вы перенесли стресс. Иногда потрясения такого рода меняют генетический код человека. Но это вас не касается. Полетите в Москву. Пройдете обследование, отдохнете. Сосны, черника, кувшинки в озере. И вернетесь в строй.

– Доктор, у лодок такие большие глаза! Как у оленей!

– Ничего, ничего. Дайте я вас послушаю.

Доктор ушел. Верхотурцев остался один. За окном взлетали и удалялись, пара за парой, штурмовики.

Он прислушивался к своему всхлипывающему дыханию. Плод, который жил под сердцем, не исчез, а утратил округлость, ушел из-под сердца и распространился по всему телу, как другая, поселившаяся в нем жизнь.

Эта жизнь была не его. Наделила иной, не принадлежащей ему памятью, иными чувствами, которые он прежде не испытывал.

Он шел по ночной степи, по мелкому снегу. Рядом, почти

невидимая, двигалась цепь пехоты. Время от времени раздавался взрыв, мерцала вспышка. Кто-то из пехотинцев падал, подорвавшись на mine. Штрафной батальон наступал на хутор Бабурки. Верхотурцев никогда не слышал об этом хуторе, никогда не шел по снегу в цепи штрафников. Но рука чувствовала холодное цевье винтовки, взрывы вспыхивали в ночной степи, как красные глазницы.

Верхотурцев начинал декламировать стихи, которых прежде не слышал, не знал имена поэтов, их сочинивших. Они появлялись, как сновидения. Там были строки: «Я угрюмый и упрямый зодчий храма, возводимого во тьме». «Синей, чем оперенье селезня, вставал над Камою рассвет». «Бесследно все, и так легко не быть». «Уже второй, должно быть, ты легла». Стихотворения струились, перетекали одно в другое, и ему казалось, что ручьи сливаются в огромное озеро.

Верхотурцев вдруг оказался в застолье, где собралась большая семья. Любимые лица, чудесные голоса, синие чашки фамильного сервиза с золотым орнаментом, стертым от прикосновений бесчисленных губ. Он не знал, чья это семья. Он рос в детском доме, не помнил родителей. Но откуда эти чудесные лица? Почему они кажутся такими родными?

Он слышал рев штурмовика, который вернулся с бомбежки и бежал по бетону, распушив тормозной парашют. Видел, как льется из синего чайника черно-золотая струя.

Откуда все это? Откуда метель в солнечных снежных по-

лях? Цветы вдоль черных лесных дорог? Сизый лед на пруду, в котором застыли воздушные пузыри, и женщина окунает в прорубь шумное ведро, и видны ее синеватые от холода руки? Откуда все это?

В нагретой избе с рыжей керосиновой лампой сидят мужики, пьют водку, их синеглазые раскраснелые лица, черные, поющие рты. А потом, пьяный, он лежит на соломе в санях, след на дороге из-под полозьев тянется, как золотая фольга. Оттуда оно?

Верхотурцев знал, что ничего подобного с ним не случилось. Смерч, подхвативший его над морем, рассек ему грудь, вложил чью-то чужую судьбу, и теперь она тревожила его.

Верхотурцев дремал и сквозь сон слышал гул взлетающего самолета. Гул удалялся, но не пропадал, а превращался в розу. Алый цветок в каплях воды, с прохладным запахом оранжереи висел над его головой. Ему казалось, что в этой розе таилась неведомая сущность мира.

Через два дня Александр Трофимович улетал в Россию. Вместе с ним на транспортном «иле» увозили гробы.

Самолет застыл на взлетном поле. На киле краснела звезда. Из-под киля на бетон спускалась аппарель, открывая черный зев в нутро самолета. На бетоне стояло восемь гробов, накрытых российским флагами. Солнце жгло, блестело на медных трубах оркестра, на вороненых стволах автоматов. Выстроились провожающие офицеры. Командир базы говорил в микрофон:

– Мы прощаемся с нашими боевыми товарищами. Они выполнили приказ Президента и геройски отдали жизни за Россию. Клянемся вам, боевые товарищи, что отомстим врагу, добьем террористов в их логове.

Протрещал салют. Ахнул оркестр. Солдаты в шесть рук поднимали гробы. Вытягивая ноги, строевым шагом шли к самолету. Вносили по аппарели гробы.

– Желаю скорейшего выздоровления, Александр Трофимович, – командир базы пожал Верхотурцеву руку. – Знайте, мы всегда готовы принять вас в наши ряды.

Верхотурцев слушал командира. Тот расплывался, туманился. Глаза Верхотурцева были полны слез.

Самолет могуче взлетел. Верхотурцев сидел на железной скамье, глядя, как солнце падает из иллюминатора на гробы. Знал, что прежняя душа, обитавшая в нем, потеснились. Дала место другой, неведомой душе, сделавшей его другим человеком.

Глава седьмая

Леонид Леонидович Троевидов в советское время был офицером внешней разведки. Служил в Восточной Германии, курировал концертные группы, приезжавшие с гастролями в Дрезден. Управление разведки в награду за усердную службу выделило Леониду Леонидовичу маленький дачный участок в подмосковном Нахабино. Приезжая из Дрездена в отпуск, Леонид Леонидович с удовольствием обрабатывал свой малый надел. Корчевал пни, привозил плодородную землю, закупал в питомнике саженцы. Радовался, когда жена высаживала цветы и дарила ему милые букеты садовых колокольчиков и ромашек.

Соседями по участку были такие же, как и он, «земледельцы», – инженеры, финансисты, мелкие служащие. Леонид Леонидович, пользуясь «красной книжечкой» офицера разведки, помогал кооперативу доставать водопроводные трубы, бурить скважины, прокладывать дорогу. Вскоре он стал главой кооператива, объединив вокруг себя самых деятельных соседей.

Их дружба продолжалась и тогда, когда, вместе с государством, рухнули все ограничения, мешавшие предприимчивым людям обзаводиться землей, домами, дорогими машинами.

Друзья стали заниматься коммерцией, каждый в своей об-

ласти, продолжая друг друга поддерживать. По-прежнему считали Леонида Леонидовича своим предводителем. Они преуспели, избежали бандитских пуль, создавали новый кооператив, состоящий из банков, акционерных обществ, строительных трестов. Леонид Леонидович был душой этой корпорации. Обеспечивал заказы, завоевывал рынки, находил нужных людей в правительстве и Государственной Думе. Могучие силы русской истории распорядились так, что никому не известный офицер разведки стал сначала главой Правительства, а потом Президентом.

Друзья при встречах любили шутить, – их крохотный дачный кооператив расширился, вышел к океанам и стал называться «Россией».

Друзья превратились в магнатов, владели громадными состояниями, имели связи с мировыми банками, присутствовали на мировых рынках. В России они неявно управляли огромными территориями, ставили своих губернаторов, смещали неугодных министров. Постепенно стали тяготиться опекой Леонида Леонидовича, полагая, что управляют Россией не в меньшей степени, чем Президент, но, быть может, и в большей. Они создавали свое собственное государство, собственную Россию. В шутку они называли это государство «космическим». «Космическое государство» превосходило Государство Российское. Оно возвышалось над ним, уходило в Космос. Имело космическую природу. Объединяло лучших людей, которые, как пришельцы из Кос-

моса, создавали новое человечество, новую цивилизацию. Оставляли «ветхую» цивилизацию обветшалым, идущим на убыль народам. И пусть их друг Леонид Леонидович Троевидов управляет «ветхой» Россией, не вмешивается в дела «космического государства».

Так думали они, полушутя, полусерьезно, собираясь время от времени на свои «космические» совещания.

Усадьба Кастерфилд располагалась в предместье Лондона. Это был дворец, построенный в стиле позднего барокко, с лепниной, мраморными вазами в нишах, золоченым гербом на фронтоне. Прежде усадьба принадлежала дальнему отпрыску Виндзорской династии, который продал ее российскому магнату Максиму Даненбергу.

Максим Карлович Даненберг владел строительными компаниями, строил мосты, олимпийские объекты, укладывал трансконтинентальные газопроводы. Его компания возвела культовый Крымский мост, проложила газопровод «Сила Сибири». Он разрабатывал алмазные месторождения в Якутии и Архангельской области.

Максим Карлович Даненберг был близкий друг Президента Леонида Леонидовича Троевидова. Когда-то оба состояли членами дачного кооператива. Вместе с другими предпринимчивыми кооператорами увеличивали площадь кооператива. Любили шутить, что границы их малого надела защищены теперь ядерным оружием.

Максим Карлович Даненберг свободно входил в кабинет

Президента, а когда тот приезжал в Лондон, принимал его у себя в Кастерфилде.

Перед усадьбой простирался огромный газон, плотный, как зеленая кошма. В маленьком пруду плавали казарки. Они вдруг шумно взлетали, сверкали золотыми перьями, делали круг над дворцом и снова опускались в пруд, поднимая солнечные фонтаны.

На газоне были расставлены столики и плетеные кресла. Расхаживали и восседали в креслах гости. Бармен разливал в стаканы виски. Официанты в белых перчатках разносили подносы с шампанским. Смех и возгласы пугали казарок, и золотые птицы шумно взлетали.

Среди гостей не было хозяина. Максим Карлович Даненберг находился во дворце. Там он собрал на тайный совет друзей. Они уединились в каминной, куда не доносились голоса подвыпивших гостей.

– Друзья, я ценю ту готовность, с какой вы откликнулись на мое приглашение и явились в Кастерфилд обсудить насущные проблемы «космического государства», – Максим Карлович Даненберг был крупный, рыхлый, с острыми лучистыми глазками. Его большой нос, казалось, был лишен хрящей и безвольно висел над губой. Когда Максим Карлович сердился, нос становился лиловым, наливался кровью, как у индюка, и оставался таким, пока Максим Карлович ни успокаивался. Тогда нос белел, свисал к губе, как пустой мешочек. – Ты, Феликс Русланович, я знаю, прервал отдых на

своей яхте «Матильда». От тебя и сейчас пахнет дамскими духами.

Маленький, лысый Феликс Русланович Шабаров, владелец металлургических компаний, благосклонно кивнул, понюхал рукав своего пиджака, уловил тонкий запах французских духов, – А ты, Лаврентий Несторович, покинул Дальневосточный экономический форум, где тебе, я слышал, светили контракты с японцами. Ну да ты своего не упustiшь!

В ответ Лаврентий Несторович Кувейко, банкир и золотопромышленник, всплеснул руками:

– Какие разговоры, Максим Карлович! Убежал бы из рая, чтобы повидаться с друзьями! – Лаврентий Несторович Кувейко был огромный, с длинными руками и узким, заросшим волосами лбом. Когда он поворачивался могучим телом, в нем что-то хрустело, словно двигались деревянные рычаги и колеса. Он любил пугать этим хрустом неподготовленных собеседников.

– Ты, Борис Генрихович, отложил свои вечные интриги. Говорят, зачастил в Кремль? Отбираешь у бедных ненцев газовые месторождения? Ну да ладно, после расскажешь, – Максим Карлович Даненберг подмигнул Борису Генриховичу Шаронову. Тот удивился, как быстро разнесся слух о его недавнем визите в Кремль.

– Я пригласил вас, чтобы обсудить ситуацию, которая становится критической. Что нам делать с нашим любезным Леонидом Леонидовичем, который подвел нас к самому

краю могилы?

– А что нам делать?

Терпеть! – повернулся в кресле Кувейко, издав хрустящий звук, с каким рушатся деревянные мосты. – Мне, к слову сказать, еще два швейцарских банка отказали в кредитах. Либо Крым, либо швейцарские банки.

– Я потерял шесть миллиардов, – Феликс Русланович Шабаров хлопнул себя по карману, словно там лежало портмоне. – Обращался за помощью к Леониду. А он мне: «Крутись, как хочешь. Мне Сирия дороже твоих кредитов».

– Я думаю, он затеет войну. Пуляет ракеты, пугает американцев. А у них терпение не вечное. Щелкнут по носу, – Максим Карлович Даненберг ударил себя по носу, который уже налился красным соком, как у встревоженного индюка.

– Мне кажется, наш Леня совсем спятил, – Борис Генрихович Шаронов погладил благородную седую шевелюру. – Я действительно был у него недавно. Только заикнулся о Крыме. Только сказал, что пора помириться с Западом. Он кричал, топал ногами. Пена у рта. Мерещатся заговоры. Упомянул о «космическом государстве». Нас подозревает. Грозит всех под корень! Безумье какое-то!

– А ведь твой сосед был, через забор здоровались. Ты ему на рождение яхту даришь, остров на Карибах. Тебя-то не тронет, – сердито произнес Максим Карлович Даненберг. Его нос окончательно приобрел сходство с индюшачьим отростком.

– Надо действовать, господа! Нанести превентивный удар! – Феликс Русланович Шабаров ткнул воздух заостренной ладонью, словно посылал запрещенный удар в солнечное сплетение.

Стало тихо. Только под пиджаком Лаврентия Несторовича Кувейко что-то поскрипывало, словно из колодца поднимали ведро.

– Что же вы предлагаете? Пуля? По-американски? Американцы умеют ставить на место своих президентов, – произнес Феликс Русланович Шабаров и испугался. Стал оглядываться, словно искал, куда полетело его неосторожное слово.

– Зачем пуля? Есть порошки, которые можно всыпать в бокал с вином. Газ, который можно закачать в вентиляцию Кремля. Радиоактивные крупички, которые можно подбросить в салон «Мерседеса», – важно, как опытный отравитель, произнес Борис Генрихович Шаронов. Но всем было ясно, что это пустое. Охрана делала первый глоток из любого бокала. Брала пробы воздуха в рабочем кабинете и домашней спальне. Включала дозиметр в салоне автомобиля и самолета.

– Зачем прибегать к насилию? Мы не блатные, – Максим Генрихович Даненберг теребил лиловый нос. Его проекты «Северный газопровод» и «Турецкий поток» рушились под американским давлением. Голос его становился похож на индюшачье бормотание: – Пригласим Леонида на яхту, отплывем в открытое море и возьмем у него отречение. Как

у царя Николая. Зачем нам пуля?

– У Николая потом была пуля, – сказал Феликс Русланович Шабаров.

– Но это уж он насолил народу, – заметил Борис Генрихович Шаронов.

– А мы не насолили народу? – Лаврентий Несторович Кувейко крутанул плечами, как будто сдвинулись скрипучие бревна сруба. – Народ нас любит? Чуть что, он нас на фонарях развесит. Троевидов нас от народа спасает. Уйдет Троевидов, и народ нас всех на фонари потащит! В котлах будет варить! В прорубях топить! Русский народ, как собака. Есть палка, скулит и к сапогу жметя. Нет палки, рвет на куски. Еще подумать надо, кто народ удержит, если Троевидова не станет!

– Его уберем, такое в России начнется! – схватился за лысую голову Феликс Русланович Шабаров. – Силовики на силовиков! Чеченцы на русских! Красные на белых! Бедные на богатых!

– Господа, – благоразумно заметил Максим Карлович Даниенберг, – Мы не учитываем одно обстоятельство.

Троевидов ввел пост вице-президента. Похоже, он хочет уйти и ищет себе замену. В этих условиях нет надобности устранять Леонида. Надо правильно подобрать вице-президента, который станет в дальнейшем Президентом. Нам нужен свой вице-президент. Пусть им станет один из нас.

– Кто же? – Борис Генрихович Шаронов подозрительно

осмотрел сидящих в креслах друзей. Так картежник осматривает соперников, прежде чем кинуть на стол заветную карту.

– Наверное, Максим Карлович. Он водит знакомства с европейскими премьер-министрами, знает толк в большой политике. К тому же, «Даненберг» звучит почти, как Гогенцоллерн. Быть может, это будет новая русская династия, – осторожно пошутил Лаврентий Несторович Кувейко.

– В Одессе много таких Гогенцоллернов, – захохотал Борис Генрихович Шаронов.

– Я не люблю твой антисемитизм, – оборвал его Максим Карлович Даненберг, – Ты тоже не Рюрикович!

– Друзья, только не ссориться! «Когда мы едины, мы непобедимы». Так нас учили в комсомоле? По одиночке нас растерзают алчные силовики, хитрые американцы, злобные русские мужики. Я думаю, наша встреча прошла плодотворно. «Космическое государство» получает новый стимул к развитию. Станем двигать в вице-президенты Максима Карловича Даненберга. Если же Троевидов назначит своего человека, будем, по мере возможностей, влиять на него. Сделаем своим человеком, – этим примиряющим заявлением Феликс Русланович Шабаров завершил совещание.

Магнаты поднимались из кресел и покидали каминную. Проследовали к дворцовому подъезду, где поджидали их бронированные «Мерседесы» и джипы охраны.

Глава восьмая

Максим Карлович Даненберг провожал друзей у парадного подъезда. Обнимались, целовались. Хлопали дверцы дорогих машин. Телохранители ястребиными глазами озирали окрестность. Машины снимались с места, мчались в аэропорт Хитроу. Откуда персональные самолеты уносили магнатов, – одного на яхту в Адриатику, другого за океан, на деловую встречу, третьего в Россию, на экономический форум.

Максим Карлович был доволен встречей. Ему доверили ведущую роль в «космическом государстве». В проекте, который устранял из Кремля Президента. Тот освободит место в малахитовом кремлевском кабинете для Максима Карловича Даненберга.

С этими приятными мыслями он распростился с вельможными гостями и ступил на зеленый газон, где проводили время гости попроще. Те, кого ненависть к Президенту Троевцову привела в Лондон. За эту ненависть они получали деньги от Максима Карловича. Теперь, в его присутствие, они хотели показать, что получают дарения не напрасно.

– Вы, дорогой Максим Карлович, в свое время допустили роковую ошибку, за что, извините, теперь все мы, и вы в том числе, жестоко расплачиваемся! – господин с рыжими, вокруг лысины, волосами мнимо дерзко обратился к Максиму Карловичу, хотя был от него зависим и боялся потерять

дотации. – У вас, Максим Карлович, было все. Коммунисты отдали вам власть без боя. Была поддержка народа, уставшего от большевиков. Была поддержка Запада. И вы не «добили гадину»! Не добились «гебистов». Теперь их выкормыш засел в Кремле. Не объявили компартию преступной организацией! Бывшие партийцы засели во всех министерствах. Они осмелели, пустили корни, открыто прославляют Сталина. Теперь мы имеем режим, который справедливо называем «кровавым». Нет уж, извините, мы не наступим второй раз на те же грабли! Полная декоммунизация! Полная десталинизация! Самая жестокая чистка! – это говорил публицист, которого в России хулиганы облили нечистотами. Напуганный, он скрывался в Лондоне. Рыжие, торчащие в стороны волосы напоминали гнездо, а гладкая лысина была похожа на большое яйцо.

– Да, Максим Карлович! – вторил рыжеволосому другой гость, – Первое, что мы сделаем, когда придем к власти, – устроим показательный процесс. В Колонном зале, с хрустальными люстрами, как во время суда над троцкистами. Будем судить генералов за военные преступления в Чечне, за бомбежки мирных городов в Сирии! Судить ФСБ за аресты инакомыслящих, за пытки и тайные убийства политиков и журналистов! Судить костоломов из МВД за разгон мирных демонстраций! Судить Росгвардию за избивание детей на Тверской! Судить прокуроров за попустительское кремлевским преступникам! Судить самих судей за лживые приго-

воры по кремлевским приказам! – господин с черной бородкой возбужденно облизывал красные губы, словно вкушал лакомства. Он был министром Правительства в изгнании и занимал пост Министра юстиции. Собирал списки тех, кто сядет на скамью подсудимых.

– Но не забудьте, не забудьте церковь! Она – преступная мракобесная организация, отравляет сознание российских граждан! Не забудьте профессуру, которая пишет шовинистские имперские учебники истории! И, главное, не забудьте кремлевских журналистов. Это они оправдывают все злодеяния Троевидова! Они хуже военных преступников! Учат народ улыбаться, а продают ему черную зубную пасту! – женщина с синеватыми зубами хватала себя за бурлящее горло, на котором пульсировала темная вена. Она была политолог, писала аналитические записки о положении дел в России, передавала их в зарубежные интеллектуальные центры.

– Но позвольте, господа! Вы забыли о самом главном процессе! – возмущенный забывчивостью коллег воскликнул известный правозащитник Листопадов. У него был трескучий голос, который он сорвал в судах. По сутулой спине не раз прохаживались дубинки. Глаза горели, как бронзовые жуки на солнце.

Он язвительно слушал, отыскивая момент, когда сможет ворваться в разговор. Оглушить шумным негодованием, интеллектуальным превосходством, неподкупными честными суждениями. Его поприще находилось в Москве. Он с нетер-

пением ждал каждую уличную демонстрацию с полицейскими задержаниями. Эти задержания давали Листопадову заработок. Но основная зарплата приходила из Лондона, куда он иногда навещался. – Я говорю о суде над Троевидовым! Это должен быть суд народов! Как в Нюрнберге! Как суд над Милошевичем! Как суд над Саддамом Хусейном! Наблюдать за этим судом должны на всех континентах. Преступник должен сидеть в клетке. В зал суда обвинять его придут чеченцы без рук, без ног, уцелевшие после разрушения Грозного. Это разрушение было страшнее Хиросимы! Пусть приходят вдовы и дети моряков, которых Троевидов утопил, – да, да, утопил на подводной лодке! Пусть придут те, кого он взорвал в московских домах! Пусть придут с того света! Пусть покажут трупы убитых на Донбассе. Их убили его солдаты! Пусть судят его за гитлеровский захват Крыма! За отравителей, которых он посылает в Европу! Пусть судят за убийство Немцова, великого человека. Убийство совершилось по его приказу на Кремлевском мосту! Пусть обнародуют списки банков, где он прячет состояние, которое украл у народа, лишил народ больниц, школ, медикаментов, отнял у стариков пенсионные деньги и перевел их на свои банковские счета! – правозащитник Листопадов обличал Троевидова. Тот находился далеко от лондонского дворца. Листопадов уничтожал ненавистного невидимку. Сам же мельком взглядывал на Максима Карловича, чтобы узнать, какое впечатление на того производят его обличения.

Официанты принимали от гостей пустые стаканы, восполняли их свежими, с новой порцией виски.

Маленький розовый толстячок с оттопыренными ушами, похожий на фарфоровую вазочку с трогательными ушками, посмеивался, шурил лукавые глазки:

– А всех арестованных, предлагаю, в голом виде провести по Москве, как вели пленных немцев. Впереди Президент Троевидов, рядом Патриарх, спикер Думы, дама из Совета Федерации. Далее премьер-министр, министры правительства. Все генералы, губернаторы, прокуроры и судьи. Все, как один, голые. А по сторонам пойдут правозащитники, тоже голые, но с винтовками, чтобы пленные не разбежались. Мэр Москвы по такому случаю включит всю свою иллюминацию, все эти бутафорские бриллиантовые цветы, люстры, огненные аркады. Представляете зрелище? По Тверской, где еще недавно ОМОН разгонял демонстрацию, теперь идут голые прокуроры. Народ рукоплещет, думая, что это День города! – розовый толстячок был известный галерист, выставивший в Европе картины и инсталляции. Каждая выставка развенчивала Президента Троевидова, имела большой успех у западной публики. Максим Карлович Даненберг не жалел денег на проведение этих выставок.

– Не смей смеяться! – возмутился правозащитник Листопадов. Бронзовые жуки полезли из глаз на лоб. – Вы здесь отсиживаетесь в безопасности в Лондоне. А мы, правозащитники, находимся в самом пекле борьбы! Рисуем жизнью! –

Листопадов жадно прильнул к стакану. Было слышно, как гремит о зубы стекло.

– Не будем обижать друг друга, – примиряющее заметил гость с пластилиновой мякотью щек. Он занимал в Правительстве изгнанников пост министра экономики, – Нам нужно уже теперь думать, кто займет руководящие посты в органах новой власти. В первую очередь, пост Президента. Нашему новому лидеру достанется ох какое непростое наследство! От его первых шагов будет зависеть, куда пойдет Россия после Троевидова.

– Правовое государство! Только правовое государство! – воскликнул правозащитник Листопадов. – Если вам нужен министр юстиции, вот он! – Листопадов ткнул себя в грудь. И тут же обернулся на Максима Карлович Даненберга, – ни сказал ли чего лишнего.

– Но у нас есть уже министр юстиции, – мягко возразил гость с пластилиновыми щеками, – Вот он, – и указал на господина с черной бородкой. Тот обиженно облизнул красные губы.

В разговор вступил худощавый, изысканно одетый гость. Все это время он молча попивал виски. Это был отставной генерал КГБ, занимавший прежде высокий пост. Он высылал за границу диссидентов. После крушения государства потерял свою должность, но по рекомендациям все тех же диссидентов пошел работать в банк. Организовал при банке службу безопасности. Из банка перешел в корпорацию Мак-

сима Карловича Даненберга, учредив аналитический центр, где исследовал рынки и добывал информацию о конкурентах. Он оставил и эту работу и был теперь на подхвате у Максима Карловича, выполнял деликатные поручения. Катался в Альпах на горных лыжах, обретал особый, цвета персика, загар, которым отличался от бледнолицых гостей. Он произнес:

– Новому Президенту, желающему открыть свежую страницу в русской истории, необходимо немедленно отозвать российские войска из Донбасса. Вернуть отторгнутый Донбасс Украине. То же следует сделать с Крымом. Тогда мы восстановим разрушенные отношения с Западом. Нам следует вернуть войска из Сирии, ликвидировать базы Тартус и Хмеймим. Это оздоровит обстановку на Ближнем Востоке. Выведет Россию из бесконечного конфликта. Нам необходимо сократить ракетно-ядерные вооружения и установить дружеские отношения с Америкой. И, в конце концов, уверяю вас, что так и будет, – мы вступим в НАТО. Этим мы обезопасим себя от Китая, – генерал умолк, давая понять, что план действий для нового Президента готов и ждет воплощения.

– Господа! – воскликнул правозащитник Листопадов. Взмахнул рукой и выплеснув виски на чернобородого министра юстиции, – Господа! Я вижу того, кто займет место нового Президента России! Это Максим Карлович Даненберг! Проголосуем, господа! Кто «за»? – Листопадов поднял руку,

сжимавшую стакан. Остальные, не желая отстать, подняли руки.

Максим Карлович восседал в кресле и внимал разговорам. Благодушно засмеялся, замахал руками:

– Увольте, господа. Я всего лишь скромный предприниматель. Далек от политики. Готов помогать тем, кто искренне любит Россию! А уж вы решайте ее политическую судьбу!

Все это время Максим Карлович оставался в кресле и живо следил за беседой. Его нос, поначалу бледный и вислый, постепенно наполнялся силой. Порозовел, покраснел, начал подрагивать. Дискуссия вызывала у Максима Карловича интерес. Свойство его носа набухать и увеличиваться служило поводом для фривольных шуток, которые раздавались за его спиной, но никогда не произносились в лицо.

Максим Карлович поднялся и удалился от гомонящих гостей. Поманил к себе высокого темноволосого красавца, что стоял поодаль от шумного общества. Время от времени красавец совершал круги по газону, постепенно их сужая, словно двигался по спирали. Приближался то к одному, то к другому гостю. Ронял два-три слова. Гости, от которых он отходил, некоторое время не двигались, как в столбняке.

Красавец был одет в малиновый бархатный пиджак, узкий в талии. На ногах были белые туфли. До них не доставали черные брюки, открывая красные носки. Вокруг шеи был повязан шелковый шарф. Бледное лицо, нос с горбинкой, черные волосы до плеч, сочные румяные губы и влаж-

ные ласковые глаза под высокими бровями, – все это делало его модником и красавцем. На бледном лице проступали слабые тени, как темные отражения каких-то духовных недугов. Эти недуги вдруг обнаруживали себя легкой судорогой на красивом лице. Его звали Алексей Васильевич Златоведов. Одно время он был модным телеведущим развлекательных программ. Был удален с телевидения за едкую шутку в адрес Президента Троевидова. Подвизался на корпоративных вечеринках, развлекая богатую публику. Был блистательным блогером, любимцем молодежи. Слыл телепатом, знатоком тайных практик, составителем гороскопов, повелителем магических сил.

Его поздравил к себе Максим Карлович:

– Я познакомился с вашим проектом, Алексей Васильевич. Нахожу его актуальным. С интеллигенцией нужно работать. Интеллигенция разрушает государство. Романовскую империю разрушила интеллигенция. Сталинскую империю разрушила интеллигенция.

Режим Троевидова разрушит интеллигенция. Казалось бы, у интеллигенции нет воздушных армий, тайной полиции, наемных убийц. Но она разбрызгивает в обществе ядовитые капельки иронии и нигилизма. От этих капелек разъедается железо бункеров, перебежчики из спецслужб уходят за границу, генералы начинают воровать, а воля вождя, вчера еще крепкая, как титан, становится трухлявой и зыбкой. Прошу вас, Алексей Васильевич, еще раз расскажите, в чем суть ва-

шего проекта.

Златоведов без малейшего подобострастия смотрел на могущественного магната. Его улыбка могла показаться милой и простодушной, но в уголках рта, в темных глазах таилась ядовитая ирония. С этой иронией он относился к собеседнику, к помпезному дворцу, к говорливым гостям и к себе самому.

– Проект, Максим Карлович, в том, чтобы отыскивать линии разлома в нашем несостоятельном обществе. Сближать у этих разломов враждующих соперников, якобы, для того, чтобы их мирить. Но примирение невозможно. Сближаясь, соперники порождают взрыв. Еще больше раскалывают общество. Энергия взрыва фокусируется мной и направляется в Кремль, в самое сердце Троевидова. Поверьте, я знаю, как это делать. Мне нужен зал, куда я стану приглашать публику. Я буду вести вечера, которые назову, к примеру, «Русские среды». Вспышки взаимной ненависти и безумия я стану превращать в направленный луч, который со скоростью тьмы, или черного света, будет настигать Троевидова и поражать, как боевой лазер. В моем распоряжении два десятка блистательных блогеров, либеральные журналы, газеты, интернет-телевидение. Эффект воздействия сравним с гиперзвуковой ракетой, которую нельзя перехватить. Это называется магическим оружием. Оно, поверьте, мною не раз испытано.

Златоведов мило улыбался, но Максиму Карловичу вдруг

стало холодно. Показалось, что на летней лужайке пахнуло стужей, пруд с казарками замерз, и златоперые птицы погибли.

– Будем готовить революцию? – спросил он, запахивая пиджак.

– Будем готовить, – ответил Златоведов.

– Что ж, начинайте работать, Алексей Васильевич. Средства вы станете получать наличными, из рук в руки, минуя банковские счета. Не следует засвечивать наши дружеские отношения.

Они разошлись. Максим Карлович снял с подноса стакан виски, чтобы согреться.

На газоне, среди гостей появились молодые женщины. Они вышли чередой, похожие на экзотических птиц. Быть может, это казарки сбросили свои оперения и, облаченные в шелковые туники, ступали по газону босыми ногами. Их гибкие стопы мягко погружались в траву. Шелковые ткани, алые, голубые, золотистые, струились, чуть скрывая в складках прелестные молодые тела. Среди белолицых женщин была темноликая африканка, полинезийка с сиреневыми губами, маленькая хрупкая японка. В руках у них были скрипки. Они встали в ряд, подняли смычки и разом опустили на струны. Музыка хлынула сильно, страстно. Скрипачки водили обнаженными руками, их лица с закрытыми глазами то обращались к небу, то опускались к скрипкам, словно женщины своими бровями, губами, движением голых плеч ста-

рались извлечь из скрипок утаенные в них звуки.

Гости оставили свои распри, обратились к скрипачкам. С восхищением слушали, забыв на столиках недопитые стаканы. Одни с наслаждением закрывали глаза. Другие заворожено раскачивались, словно их колыхал невидимый ветер. Третьи поднимались на цыпочки, будто хотели улететь в вечеряющее небо. Правозащитник Листопадов, не выпуская стакан, кланялся скрипачкам. Делая потешные поклоны, воображал себя изысканным кавалером.

К Максиму Карловичу Даненбергу подошел американец Майкл Прайс. Он водил с хозяином дома дружбу, появлялся то в Лондоне, то в Москве, в иных местах, где бывал Максим Карлович. У американца было невзрачное лицо, словно его полировали наждачной бумагой, избавляясь от заметных шероховатостей. Он был в сером. Серый костюм, серая рубашка, серые тихие глаза, которые внимательно смотрели в другие глаза заинтересованно и сочувственно.

Майкл Прайс был политолог, но, похоже, был причастен к спецслужбам. Использовал встречи с Максимом Карловичем Даненбергом, чтобы пополнить свои знания свежими новостями о закрытой кремлевской политике. Он прекрасно говорил по-русски, интересовался литературными новинками, художественными вернисажами.

– Отличный вечер, Максим. Вы умеете создать творческую обстановку, – обратился Майкл Прайс к Максиму Карловичу Даненбергу, глядя своими серыми, искренними гла-

зами. – Эти принцессы со скрипками вскружили голову даже такому полемисту, как наш друг правозащитник Листопадов.

– Он привык в России к дубинкам, а здесь его встречают смычки. Он не знал, что кроме судебных заседаний, металлических клеток и тюрем, возможна жизнь под музыку Моцарта и Паганини.

Максим Карлович засмеялся, глядя, как Листопадов танцует и кланяется.

– Хотел спросить, Максим, ваше «Правительство в изгнании», которое мы здесь наблюдаем, пользуется влиянием в России? Можно надеяться, что после устранения Троевидова это Правительство возьмет власть?

– Пыль не возьмет власть. Это Правительство – пыль, которую завтра сдует ветер русской истории.

– Вы красочно выражаетесь, Максим. Должно быть, много читали своих великих русских писателей. Кстати, я прочитал несколько современных русских романов. Знаете, что меня поразило? Во всех говорится о заговорщиках, которые хотят отобрать у Троевидова власть. Это мода или писатели что-то чувствуют?

– Писатели как собаки. Чувствуют подземные толчки, когда обычные люди сидят в барах. Хотя, конечно, время Троевидова завершается. Он уйдет так, как уходили его предшественники. История откроет ему двери, через которые он уйдет из Кремля.

– А как вы думаете, кто может занять место Троевидова? Кто-нибудь из действующих политиков? Или военный? Российская армия воюет на Донбассе и в Сирии. Она очень влиятельна.

– Недавно Троевидов отправил в отставку сто генералов и адмиралов. Он тасует военные кадры. «Заговор генералов» невозможен. Русские генералы не способны взять власть. Это и царские генералы, они взяли у царя отречение, но не пожелали взять власть. Это и Тухачевский, и Жуков, и немощные генералы ГКЧП. У русских генералов есть воля к činам, но нет воли к власти.

– Согласен с вами, Максим. Кстати, верно ли, что Троевидов, наконец, женится и станет появляться на приемах с первой леди?

– Для этого ему придется выбрать первую из имеющихся пятнадцати!

Максим Карлович и Майкл Прайс рассмеялись. Их отношения были доверительны, но была черта, за которую они оба не ступали.

– Я хотел сообщить вам, Максим, что заместитель министра готов провести с вами встречу. Уже выбирают место и время, чтобы встреча оставалась конфиденциальной.

– Я ваш должник. Майкл, – Максим Карлович тронул Майкла Прайса за локоть.

– А как, скажите Максим, поживает Антон Ярославович Светлов?

– Светоч? Поживает отлично. Говорят, он появлялся в Лондоне незадолго до того, как здесь отравили нескольких перебежчиков. Неужели вы, Майкл, к этому как-то причастны?

– О, нет! – замахал руками Майкл Прайс, и с тихим смехом отошел, чтобы присоединиться к гостям, слушающим скрипки.

Скрипачки водили смычками, скользили гибкими пальцами по струнам. Разом поднимали смычки, хватали щепотью струны, издавали курлыкающий, журавлиный звук. Снова бурно и страстно куда-то мчались, на сверкающих колесницах, восхитительные наездницы. Шелковые туники плескались. Босые стопы приплясывали на траве.

Их смычки описали круги, туники опали, легли у ног алыми, голубыми, золотыми соцветьями. Женщины продолжали играть, волновались их груди, белые, темные, смуглые, двигались гибкие бедра. Они казались купальщицами, вставшими из алых, голубых, золотистых вод.

Гости с обожанием смотрели на их волшебные тела. Не смели приближаться. Только издали целовали, тянули к ним умоляющие руки.

Правозащитник Листопадов пьяно падал перед ними на колени. Стал срывать с себя рубашку, обнажая изможденное тело. Нелепо танцевал, заплетая ноги, а потом рухнул лицом на траву. Было видно, как вздрагивают его тощие лопатки.

Скрипачки опустили смычки, взяли под локоть скрипки.

Нагнулись, подцепив с газона шелковые ткани, и удалились вереницей, напоминая экзотических птиц.

Быстро темнело. Гости перешли с открытого воздуха во дворец, где янтарно загорались окна. Служители бережно подняли Листопадова, увели в диванную и уложили отдыхать.

На темном газоне остался Алексей Васильевич Златоведов. Его почти не было видно. Чуть светлело лицо, белели модные туфли. Он смотрел на оранжевые окна дворца, на высокий голубой фонарь, установленный на краю газона перед входом в ночной парк. Слушал, как за деревьями идет электричка из Йоркшира в Лондон.

Стал вращать руками, раскрыв ладони и проводя пальцами по небу, темному лугу, синему фонарю. Казалось, он что-то ловит, захватывает, сгребает. Алексей Васильевич улавливал висящие в воздухе отзвуки разговоров, крики нетерпения, вспышки ненависти. Все это он сгребал в темный ком, как сгребают опавшую листву. Ком становился плотнее. Алексей Васильевич мял его, стискивал, лепил, как лепят снежок. Когда сгусток тьмы уплотнился и больше не сжимался, Алексей Васильевич протянул вперед руку с заостренной ладонью. Поместил ком на плечо. С силой толкнул вдоль руки. Ком скользнул по руке, сорвался с ладони и исчез в ночи. Так когда-то немцы запускали «оружие возмездия» Фау-2.

Сгусток тьмы умчался со скоростью черного света, преодолевая за микросекунды расстояние от Лондона до Моск-

вы.

Сгусток тьмы приближался к кремлевскому кабинету, где работал над бумагами Президент Троевидов. Сгусток был готов ударить в серебряные купола Архангельского собора, ворваться в кремлевский дворец.

Навстречу черному сгустку ринулся Светоч, который сидел в приемной и перелистывал журнал «Метрополитен», те страницы, где рекламировались часы «Патен Филипп».

Светоч отбросил журнал и ринулся навстречу сгустку тьмы. Его искусственный глаз из горного хрусталя источал пучок лучей. Светоч из всего спектра выбрал нежно золотистый луч. Встреча произошла над Вышним Волочком. Светоч пронзил сгусток тьмы лучом горного хрусталя. Ком сгорел, как падающий метеорит. В тверских деревнях видели загадочную небесную вспышку, осветившую леса.

Президент Троевидов подписывал указ о передаче магнату Шаронову, бывшему соседу по даче, нескольких газовых месторождений на Ямале. Леонид Леонидович отвлекся от документов, наблюдая, как с потолка оседает пепельная пыль.

Глава девятая

Подполковник Александр Трофимович Верхотурцев проснулся в палате московского военного госпиталя и увидел на тумбочке букет роз. Алые цветы стояли в стеклянной вазе, в каплях воды, пахли прохладной оранжереей. Глядя на розы, Александр Трофимович услышал звон взлетающего штурмовика. Боевой аэродром в окрестностях московского госпиталя отсутствовал. Однако продолжал действовать открытый Верхотурцевым закон, согласно которому звук самолета превращался в цветок. Роза порождала звук взлетающего самолета.

За неделю, пока длилось обследование, Александра Трофимовича помещали во множество аппаратов. Обвешивали чувствительными датчиками. Томограф, в поисках аномалий, лучом рассекал его мозг на множество тонких слоев. Ему вводили в пищевод крохотную телевизионную камеру. На черных листах фотопленки отпечатывался его скелет. Ультразвук просвечивал сердце, почки и печень, как гидролокатор подводной лодки просвечивает морское дно. У него брали все жидкости, из которых состояло тело, даже слезы. Врачи заглядывали на дно глазных яблок. Изучали хрусталик глаза. Психологи предлагали множество тестов, которые пугали своей простотой и таящимся в них подвохом.

Врачи докапывались до самых малых изменений, что про-

изошли с ним во время падения в Средиземное море. Но не смогли обнаружить ту новую сущность, что поселилась в нем во время круговерти, когда смерч рассек ему грудь и вкатил под сердце таинственный шар, загадочный плод. Психологи ничего не знали о непорочном зачатии, случившемся в сумраке ревущего смерча.

Александр Трофимович лежал в палате, смотрел на чудесные розы. И ему казалось, что здесь побывала прелестная женщина, и он благодарно целовал усыпанные кольцами руки.

В палате появился доктор, весь в белом, и офицер в накинутом на плечи халате. Халат скрывал звание.

– Подполковник Верхотурцев?

– Так точно.

– Александр Трофимович, вам надлежит явиться в Кремль, где вам будет вручена правительственная награда. Награду вручит Президент. Вам достаточно часа, чтобы собраться? Машина вас ждет внизу.

Когда Александр Трофимович сквозь Троицкие ворота попал в Кремль и двинулся среди золотых и серебряных куполов, он пережил внезапное головокружение. Вдруг понял, почему воевал в Сирии, сутками лежал в укрытие, без воды и хлеба, наводил авиацию на скопление пехоты и танков. Самолеты, взлетавшие с базы Хмеймим, поднимались отсюда, из Кремля. Здесь загружались бомбами и ракетами. Здесь пилоты садились в кабины, взлетали, взяв курс на Пальми-

ру и Алеппо. В сирийском небе летели золотые и серебряные купола, пикировали на дороги, наносили удары. А потом возвращались в Кремль, раскрывали тормозные парашюты и опускались на кровли соборов. Под пыльным сирийским солнцем тускло сияли не самолеты, а купола кремлевских соборов.

Это было легкое помрачение. Так случается, когда резко встаешь, и все вокруг начинает плыть, все в жидком стекле. Мир теряет подлинность и становится мнимым.

Александра Трофимовича проводили вверх, по широкой парадной лестнице. Ввели в Георгиевский зал.

Бриллиантовая вспышка ослепила Александра Трофимовича. Хрустальные люстры сияли как солнца. Золотом на белом мраморе были начертаны имена героических полков, батарей, экипажей. Александр Трофимович испытал ликование. Его звали к себе эти русские герои, несущие русскую славу через океаны, хребты и пустыни. Он зван на их корабли, в их походные колонны и стреляющие батареи.

В зале были расставлены кресла. Высился подиум. В креслах сидели те, кто ожидал наград, а также именитые гости, кто своим присутствием придавал торжественность церемонии.

Вежливый служитель, сопровождавший Александра Трофимовича, называл имена гостей. Среди них был знаменитый дирижер, чей оркестр гремел во время национальных скорбей и торжеств.

– Конечно, я знаю его, – Александр Трофимович с благоговением смотрел на седую гриву волос. Эта грива вздымалась над головой дирижера, когда тот грозно взмахивал палочкой. – Я слушал его в Пальмире, среди античных развалин. На окраинах еще раздавались взрывы.

– Рядом с ним скульптор, который поставил памятник Владимиру Святому. Теперь он заканчивает величественную композицию, которая называется «Птица русской истории». Все великие русские князья, цари, вождь Иосиф Виссарионович Сталин передают из рук в руки Жар-птицу. Наш Президент Леонид Леонидович Троевидов принимает ее от Иосифа Виссарионовича Сталина и направляет в будущее.

– Какая величественная композиция! Это символ всей русской истории, – Александру Трофимовичу показалось, что эти слова произносит не он, а тот, кто поселился в нем, знает тайну русской истории.

– А рядом сидит детский врач. Он излечил десятилетнего ребенка, найденного в развалинах после теракта в Магнитогорске. Говорят, врач использовал во время лечения не только новейшие препараты, но и святую воду из Иордана.

– Наша жизнь в руке Божьей. Поверьте, я знаю это, – и снова эти слова исходили не от него, а от того, кто поселился в нем при падении в Средиземное море.

Александр Трофимович робел в присутствии этих великих людей. Среди них находился гениальный конструктор, создавший гиперзвуковую ракету. Математик, руководив-

ший научным центром, где создавался искусственный интеллект. Кубанский селекционер, который вывел сорт пшеницы, приносящей невиданные урожаи.

Все казались Александру Трофимовичу прекрасными. Он испытывал благодарность за то, что они почтили его, участвуют в его торжестве.

То же чувствовали другие награждаемые. Как пояснил шепотом любезный служитель, среди них был офицер ФСБ, отличившийся в Магнитогорске. Капитан атомного ледокола, крушившего льды на Северном морском пути. Балерина, снискавшая славу на сценах Америки и Европы.

Все они робели, были взволнованы среди солнечных люстр и золотых начертаний.

Огненно запели фанфары. Голос с придыханием произнес:

– Президент Российской Федерации Леонид Леонидович Троевидов!

На подиум, легкий, прижимая правую руку к бедру, взмахивая левой, словно слышал барабанную дробь, вышел Президент Троевидов. Все встали. Заворожено смотрели, как Президент приближается к маленькой трибуне, над которой поднимался стебелек микрофона.

Александр Трофимович видел близко того, кто посылал его в бой, чей приказ он выполнял в сирийских пустынях, среди грохота бомб. В лице Президента, помимо грозной воли, холодной властности, была душевная мягкость, почти за-

стенчивость. Светлые волнистые волосы, тихий жест, которым он усадил на места присутствующих, были трогательными, родными. Александр Трофимович почувствовал к Президенту обожание, какое испытывает сын к любимому отцу. Не зная, не помня истинного отца, Александр Трофимович испытывал к Президенту сыновние чувства. Был готов внимать ему, исполнять его отцовские повеленья, следовать за ним, угадывать его малейшие желания.

Началось награждение. Ведущий церемонию вызывал на подиум награждаемых. Передавал Президенту орден. Президент, как кудесник, мановением руки прикреплял награду к груди героя. Тяжелый орден не опадал, начинал сиять на взволнованно дышащей груди.

Звезду Героя России получил офицер ФСБ, который вышел на подиум, слегка прихрамывая. «Орден Александра Невского» получил губернатор, бодро взбежавший на подиум. «Орден мужества» получил спасатель, извлекший из-под завалов ребенка. Он неловко, запинаясь, приблизился к Президенту.

– Верхотурцев Александр Трофимович! Награждается орденом «За заслуги перед Отечеством, второй степени, с мечами»! – возгласил церемониймейстер. Александр Трофимович пошел на подиум, и ему вдруг показалось, что под ногами у него не ковер, а плещущее море, и по этому морю плывет глазастая лодка, и в лодке стоит Президент, его спаситель.

Александр Трофимович шел по ковру и одновременно видел себя, идущего по зеленым волнам Средиземного моря. Две живущие в нем сущности раздвоились, мгновение держались порознь, и снова сошлись, когда рука Президента протянула ему драгоценный орден. Золото, серебро, вишневого цвета эмаль. Пальцы Президента коснулись груди Александра Трофимовича. Он почувствовал, как лег на грудь литой крест, сердце замерло в перебое.

– Поздравляю с наградой, Александр Трофимович, – произнес Президент. Александр Трофимович вместо ответа: «Служу Российской Федерации», смешался и вымолвил:

– Да, да, я благодарен! – заметил, как слабо улыбнулся Президент, извиняя его оплошность.

После награждения все перешли в Андреевский зал, где были накрыты столы, и служители разносили шампанское.

Президент с бокалом обходил награжденных и чокался.

– Как ваша нога, Степан Игнатьевич? Мне сказали, что кость срослась, – поинтересовался он у раненого офицера ФСБ. Президент мягко чокнулся с офицером.

– Мальчик, которого вы спасли, ведь он избранник, – Президент чокнулся со спасателем, на груди которого лучился орден. – Как знать, быть может, вы спасли будущего Президента России.

Президент подошел к Александру Трофимовичу. Было видно, как в бокале Президента летят пузырьки, а на щеке белеет слабый шрам от давнишнего пореза.

– Еще раз поздравляю, Александр Трофимович, – произнес Президент, – Операция в Сирии приближается к концу, но во многих частях мира по-прежнему беспокойно, – они чокнулись без звона, и Президент произнес: – Если вам позволит время, Александр Трофимович, задержитесь после церемонии на полчаса. Мне нужно вам что-то сказать, – и пошел к столику, где его с нетерпением поджидали дирижер, ракетчик и скульптор.

Когда кончилась церемония, Президент покинул зал, и всех проводили вниз, по широкой, устланной ковром лестнице, вежливый служитель остановил Александра Трофимовича и сказал:

– Вас, Александр Трофимович, приказано провести в Грановитую палату.

Когда Александр Трофимович сквозь резные золоченые двери вошел в тихую залу, ему показалось, что его окружила многолюдная, тесно стоящая толпа. Отовсюду смотрели большие глаза. Сияли золотом и драгоценными камнями старомодные одежды. Вокруг голов горели нимбы. Все, кто был запечатлен на росписях, все русские князья и цари, были исполнены строгого величия. Все поддерживали тяжелые каменные своды, давившие всей непомерной толщей. Золотые нимбы говорили о святости служения, о святости государства, о его божественном происхождении.

Александр Трофимович опустил на скамью, покрытую золоченой парчой. Был ошеломлен, подавлен и восхищен.

Он рассматривал фрески, рассказывающие о сотворении мира. О райской жизни Адама и Евы и о земных трудах, которые они претерпели после изгнания из рая. Здесь было множество трав и цветов, взятых из волшебного гербария. Диковины птицы и животные, которые исчезли с земли и остались только в сказках. На небе сияли неведомые созвездия и летали светила. Государство Российское вело свое исчисление от сотворения мира. Было хранилищем райской красоты и святости.

В зал бесшумно вошел Президент. Сел рядом с Александром Трофимовичем на узорную скамью.

– Я иногда прихожу сюда один, когда нужно принять важное государственное решение. Эти глаза, эти лица не дают мне ошибиться.

Александр Трофимовичу казалось, что лицо Президента напоминает запечатленные лики. Со временем его лицо появится среди русских князей и царей. Он будет стоять, облаченный в драгоценные одеяния, и вокруг его головы воссияет нимб.

– Я пригласил вас сюда, Александр Трофимович, чтобы сделать вам предложение. Оно делается в присутствии этих великих мужей, которые по-прежнему состоят на службе у Государства Российского. Недавно я учредил пост вице-президента, и этот пост остается пустым. Я прошу вас занять этот пост.

– Я? – изумился Александр Трофимович, – Этот пост?

– Государство Российское переживает трудный период. Извне нас окружили могущественные враги. Изнутри государство точат ненавистники. Со мной все может случиться. Не хочу, чтобы мои деяния пошли прахом. Не хочу, чтобы те, кто придет после меня, отдали Крым. Не хочу, чтобы наша армия убежала из Сирии, как она убежала из Афганистана. Чтобы снова пилили русские ракеты и подводные лодки. Чтобы государственным языком стал английский. Мне нужен человек на посту вице-президента, который продолжит мое дело. Дело укрепления Государства Российского. Я выбрал вас. Вы жертвовали жизнью за Россию. Вы русский офицер, для кого дело чести и судьбы защищать Государство. К тому же, вы сопричастны чуду. Ваше чудесное спасение указывает на то, что вы угодны Богу. Принимайте мое предложение.

– Но я же не сведущ! Я авиационный наводчик, и, понимаете, те муравьи с капельками черного солнца! Я выходил на связь с позывным «Сапсан»! Что я знаю об управлении государством? Пусть роза превращается в звук, но этого мало. У меня нет опыта, нет влияния. Хочу вам сказать, в детском доме был забор, крашеный в синий цвет, и в траве звенел кузнечик. Я его никогда не видел, а только слышал чудесный стрекот! Я не способен! Я ошеломлен, не знаю, что ответить!

– Я высказал мое намерение в виде просьбы. Но это приказ. Вы офицер, я ваш Верховный Главнокомандующий. Выполняйте.

– Но я не справлюсь! У той лодки оленьи глаза!

– Выполняйте, – произнес Президент. Его мягкое лицо стало жестоким. В голубых прозрачных глазах появилась тьма. – Вам в помощь будет приставлена женщина. Журналистка президентского пула. Она прекрасно знает аппаратные игры, расклад политических сил, имеет обширные связи. Не торопясь, она откроет вам политические секреты. У вас первые месяцы не будет серьезной работы. Только представительские функции. Праздники, конгрессы, парадные заявления. Желаю удачи, Александр Трофимович, – Президент коснулся руки Александра Трофимовича, словно передал ему часть своей власти. Поднялся и вышел. Александр Трофимович остался в Грановитой палате, под непомерным давлением сводов, среди русских святых и подвижников.

Вернувшись в кабинет, Леонид Леонидович Троевидов вызвал к себе журналистку кремлевского пула Лану Сергеевну Порфирьеву. Усадил в кресло, милостиво, улыбаясь, оглядел ее красивое молодое лицо с тонкой переносицей и серыми глазами, высокую шею с ниткой жемчуга, вырез темно-изумрудного платья, из которого чуть выглядывали незагорелые груди.

– Лана Сергеевна, вы знаете, я выделяю ваши публикации, которые появляются после моих поездок по стране. Вы прекрасно передали атмосферу, которая царила на встрече с коллективом Челябинского трубопрокатного завода. «Му-

зыка русских сфер» – так вы описали грохот, скрежет и вой громадного цеха. «Балет машин» – так вы увидел движение множества механизмов, которые гонят раскаленный лист и гнут из него громадную трубу. Это прекрасно.

– Спасибо, Леонид Леонидович. Благодаря вам, я узнала страну, познакомилась со многими интересными людьми, – Лана ответила улыбкой, которая показалась Леониду Леонидовичу слишком лучистой и не позволяла угадать, о чем была мысль, промелькнувшая на ее лице.

– Я вызвал вас, Лана Сергеевна, не для того, чтобы пригласить в очередную поездку. Хотя эта поездка будет в Саров, где разрабатываются новые виды ядерных боеприпасов, работает цвет нашей науки. Моя цель в другом.

– Очень хочу быть вам полезной, Леонид Леонидович.

– Вы уже знаете, что моим приказом назначен вице-президент. Это сделано для укрепления нашей политической системы. Придает ей дополнительную степень защиты, если под Президентом вдруг закачается кресло.

– Мне кажется, ваше кресло прочно, как никогда, Леонид Леонидович – улыбка Ланы была все так же ослепительна.

Леонид Леонидович подумал, что с этой улыбкой хорошо рекламировать любой товар, даже такой сомнительный, как новоявленный вице-президент.

– Вице-президент Александр Трофимович Верхотурцев, военный, герой, получил контузию в Сирии, абсолютно неопытный в политике. Поработайте у него пресс-секрета-

рем. Введите его в политику. Познакомьте с политическими процедурами, с влиятельными людьми.

– Вы отправляете меня в ссылку, Леонид Леонидович? – огорчение Ланы было мнимым, это почувствовал Леонид Леонидович. Это его позабавило.

– Не все ж вам, Лана Сергеевна, описывать аплодисменты, которыми встречают Президента. Перед вами откроются новые горизонты, быть может, путь в большую политику.

– Что же я должна делать?

– Быть поводырем, чтобы вице-президент не упал в яму. Водить его среди рытвин и ухабов, знакомить с элитой. Приглядывать, чтобы его не обманули, ни вовлекли в какую-нибудь сомнительную историю. Тотчас появятся охотники соблазнить, очаровать его, настроить против Президента. Вы должны деликатно предупреждать его и, если возникнут сложности, обращаться ко мне. Я приду на помощь.

– Сумею ли я? С этим лучше справится Антон Ярославович Светлов, или, как его у нас называют, Светоч. Он тонко чувствует заговоры и вовремя их предотвращает.

– У него свой диапазон, – сухо ответил Леонид Леонидович. – Вам же, Лана Сергеевна, надлежит приступить к работе. Я вас больше не задерживаю, – приказал Леонид Леонидович, глядя вслед уходящей Лане, на ее стройные ноги и высокие каблуки.

Глава десятая

Лана Порфирьева родилась в Петербурге. Из окна ее дома был виден ампирный собор, окруженный оградой из трофейных турецких пушек. Этот собор заглядывал в ее детскую кровать, смотрел своими темными, неподвижными глазами. Собор смотрел на нее, когда она за старинным письменным столом готовила уроки, старательно выводила в тетради буквы. Он смотрел из тумана, из солнечной лазури, из серого ливня, из мягкого снегопада. Собор смотрел, когда умирала бабушка и в бреду, бормотала стихи из «Медного всадника», потом лежала на столе, где Лана когда-то вписывала буквы в тетрадке.

Когда Лана в Университете изучала русскую литературу, ей казалось, что русские художники, воспевающие Петербург, писали о ней. О ней было пушкинское: «Сиянье шапок этих медных, насквозь простреленных в бою». О ней был гоголевский «Невский проспект», на который она выходила с Литейного и шла в шелестящей толпе, пока не блеснет впереди игла Адмиралтейства. Это ее водил Достоевский по каменным лабиринтам своих романов. Ей посвящал плачущий стих Мандельштам: «Я приехал в мой город, знакомый до слез». О ней в час расставания писал Блок: «С белой площади Сената тихо кланяюсь ему». О ней Гумилев восклицал: «И за мостом летит на меня всадника длань в железной пер-

чатке». А изысканный Агнивцев вопрошал: «Скажите мне, что может быть приятней дамы петербургской».

В Петербурге у нее случился первый роман. На третьем курсе она влюбилась в преподавателя, читавшего курс русской истории. С ним она пережила страшную и прекрасную ночь, когда пригласила обожаемого человека к себе домой, и собор смотрел, как она, босая, в слезах, идет в ванную, и ее провожают мужские глаза.

Преподаватель, столь блестяще излагавший потаенный русский смыслы: «Учение о Русской мечте», «Пасхальный смысл русской истории», «Явление Русского чуда», «Россия – ковчег спасения», после всех этих восхитительных откровений, после чудесной ночи с туманным собором, преподаватель уехал в Америку и там навсегда исчез.

Было краткое несчастливое замужество. Муж, молодой джазист, проводил ночи в клубах, ездил по гастролям, нюхал возбуждающие порошки, стараясь приучить к ним Лану. Наконец, погиб в пьяной драке в ночном клубе от ножа дагестанца.

Лана уехала в Москву, как уезжают в ссылку.

В Москве к ней пришел журналистский успех. Ей удалось ярко, едко и весело писать о светских вечеринках, о политических конгрессах, о празднествах с участием Президента. Ее пригласили в «президентский пул». И начались ее стремительные перемещения по стране вслед за Президентом, который не уставал являться народу в самых разнообраз-

разных ролях.

Лана писала о Президенте, когда тот спускал на воду атомную подводную лодку. Писала, когда Президент на дельта-плане поднимал из болота стерхов. Сопровождала его на триумфальные парады в Севастополь. Освещала его обращения к Федеральному собранию в Георгиевском зале Кремля.

В этих поездках, среди фуршетов и пресс-конференций, у нее случались легкомысленные романы, после которых оставалось разочарование и тоска. Лана не понимала, что будет в ее жизни дальше, сохранится ли это суетное, пестрое существование на всю остальную жизнь.

Именно в этот смутный период ее жизни Лану пригласил к себе Президент.

Подполковник Александр Трофимович Верхотурцев, он же вице-президент России, стал привыкать к тому, что его душа, как река, разделяется на два рукава, и каждый течет отдельно, изредка сливаясь под сердцем.

Александр Трофимович был утвержден в новой должности президентским указом. Получил великолепную трехкомнатную квартиру у Патриарших прудов, дачу недалеко от Нахабино, резиденцию на Ильинке, так близко от Кремля, что слышался бой курантов.

У Александра Трофимовича появилась охрана, «Мерседес», домработница, небольшой штат сотрудников. Все это не соответствовало его высокой должности. Да и сама должность находилась в зачаточном состоянии. Сегодня есть, а

завтра нет.

Александр Трофимович появился в рабочем кабинете, не зная, чем себя занять. Рассеянно перебирал приглашения на кинофестиваль, оперную премьеру, юбилей библиотеки, праздник пенсионного фонда.

В дверь постучали. Появилась молодая женщина в темно-красном платье, на высоких каблуках, с такой открытой яркой улыбкой, точно хотела сказать: «Смотрите, как я хороша. Какое свежее у меня лицо, тонкая переносица, розовые губы, пушистые светлые брови и серые глаза, в которые вы можете смотреть и находить только искренность и обаяние». Таково было первое впечатление от вошедшей женщины. Улыбка ее показалась Александру Трофимовичу слишком «журнальной». С такой улыбкой в глянцевых журналах красивые стюардессы приглашают пользоваться услугами Аэрофлота. Прелестные продавщицы ювелирных магазинов показывают на запястье золотой браслет.

– Я Лана Порфирьева, из «президентского пула». Леонид Леонидович попросил меня быть у вас кем-то вроде пресс-секретаря. Помочь на первых порах освоиться на новом месте. И вот она, я!

Это было сказано так просто и искренне, что Александр Трофимович забыл свое первое мимолетное впечатление.

– Да, да, я так благодарен Леониду Леонидовичу. Мы говорили в Грановитой палате. Эти русские князья, эти Адам и Ева, и великий дирижер. Я слушал его в Пальмире, и на-

чальник разведки сказал, что Гергиев похож на седого льва. Вас, должно быть, оторвали от дел? Простите!

– Мне сказали о моем назначении, когда вы еще лежали в госпитале. Я передала букет роз.

– Так значит, это ваш букет? Алый цвет так прекрасен. На розах были капли росы. Они пахли прохладной оранжереи! – Александр Трофимович смутился. Он чувствовал, что слова, которые он произнес, были не его, а подсказаны кем-то иным. Тем, кто вселился в него при падении в море, – Вы знаете, Лана, я открыл закон, согласно которому звук самолета превращается в розу. А цветок, в свою очередь, рождает звук самолета. Странно, не правда ли?

– Существует много непознанных законов. Давайте открывать их вместе, – Лана засмеялась. Смех был грудной. Грудь колыхалась под красной тканью. – Будем пить чай?

Лана будто бывала здесь не раз. Она достала из шкафа чашки, принесла из приемной электрический чайник. Из жестяной индийской коробки ложечкой зачерпнула заварку. Разливала по чашкам душистый смоляной чай.

Александр Трофимович смотрел на ее руку, и ему казалось, что это уже было однажды. Чья-то белая родная рука наклоняла чайник, лилась темная густая струя, и на чашке золотой ободок был стерт прикосновением множества губ.

– Уже поступили первые просьбы об интервью. Записываются на прием. С вами хотели встретиться очень влиятельные персоны, те, кто неявно определяет внутреннюю и внеш-

нюю политику. Если вы позволите, я составлю списки и буду приглашать тех, кто вам интересен и полезен. Нам ведь нужно понять, что думают эти особы о будущем?

– Вы сказали – о будущем. Разве в сказках не предсказано наше будущее?

– Мне сказали, вы воевали в Сирии. А вы, оказывается, увлекаетесь сказками? – улыбнулась Лана, и ее улыбка показалась ему родной. Уголки губ дрожали. Александр Трофимович не мог вспомнить, где видел это милое дрожание губ.

– Я воевал. Эти сирийские степи, разоренные селенья, когда авиация одним налетом стирает с земли города. А ведь в Сирии жили пророки. По этим пыльным дорогам шли пророки, и им являлись знамения, им открывалось будущее. Но я не о них, я о сказках! – Александр Трофимович запнулся. Никогда на войне он не думал о пророках, не знал о них. Только выбирал на карте цели для бомбовых и ракетных ударов, лежал среди пыльных холмов, наводя авиацию, выходил на связь с позывным «Сапсан».

– И что же сказки? – продолжала улыбаться Лана. Александр Трофимович вспомнил, откуда эта улыбка. Так улыбалась воспитательница в детском доме, когда он путано пересказывал содержание сказки. Воспитательницы давно уже нет. Нет в помине затрепанной книжки, где росли молодильные яблоки, вставала из хрустального гроба царевна. Все исчезло, но сохранилась улыбка. Перелетела с одного лица на другое.

– Я думал о будущем на войне под Латакией, и когда гулял по Парижу, и утки взлетали у собора, а я кидал им хлеб, и они жадно хватали. Будущее – это непрерывное размышление о смерти. Сказки уверяют, что смерти нет. Если отведать молодильных яблок с заветной яблоньки, которая росла в саду нашего детского дома. Зимой под яблонькой блестяли ледяные заячьи следы, а весной в цветах гудели пчелы. Надо надкусить медовое яблочко, как в рассказе «Антоновские яблоки», не помню, кто написал. Ведь я был убит, когда луч рассек самолет. Головная часть с начальником разведки удалялась в блеске винтов. Я видел эти винты, но уже был мертв. Мертвым летел в пустоту с высоты три тысяч метров, чтобы мертвым разбиться о море. Но смерч подхватил меня, закрутил, облил «мертвой» водой, и я почувствовал, что не умер. Упал в зеленое Средиземное море, в «живую» воду. Эти солнечные лучи в зеленой воде, серебряные пузыри из моих волос. Я воскрес из мертвых. А сказочные оборотни, когда царевич превращается в волка, а волк снова обращается в царевича? Ведь жизнь едина, перетекает из одного существа в другое. В тех муравьев, что несли в себе крохотные капельки солнца. Ваша улыбка, она принадлежит не только вам, но и другой, уже исчезнувшей женщине. Звук превращается в розу, из розы появляетесь вы.

Александр Трофимович умолк. Почувствовал, как приближаются слезы. Женщина в красном платье превратилась в букет роз. Послышался нарастающий звон. Это пара Су-32

покидала базу Хмеймим и уходил к Евфрату.

Лана слушала Александра Трофимовича, и было в ней страдание. Не могла понять, какой недуг поразил этого сильного человека, какая стихия неосторожно коснулась его души.

– Спасибо, что пришли. До следующей встречи, – Александр Трофимович слабо махнул рукой.

– Я приготовлю список визитеров и план поездок, – Лана поднялась и ушла. Александр Трофимович закрыл глаза. Текли слезы.

Лану заметила в вице-президент болезненную странность. Но каких только странностей не было у других политиков и чиновников. Депутат, ответственный за культуру, ко всем приходившим к нему журналисткам норовил залезть под юбку.

Другого депутата застали в кабинете, когда тот держал на коленях помощника и передавал ему из губ в губы конфету. Один из сенаторов поселил на роскошной вилле козу, вызывал для нее парикмахера, массажиста, делал ей педикюр, позолотил рога, выписал из Италии шелковый бюстгальтер. Помощник московского мэра привозил из Африки пестрых птичек и ощипывал их живьем в День города. Не говоря уже о моде, укоренившейся среди высоких чиновников. Они отправлялись на сафари в Кению и убивали львов. Сами чиновники отличались уродливой внешностью, дефектами речи и урологическими немощами. Убитый лев, как они пола-

гали, передавал им свое царственное величие и силу.

Лана забыла об офицере, которого Президент возвысил по странной прихоти. Она торопилась на встречу со своим обожателем. Торопилась к Алексею Васильевичу Златоведову, который только что вернулся из Лондона и вызвал ее на свидание.

Свидание он назначил в своей новой квартире, которую купил за баснословные деньги в Доме на набережной, напротив Кремля. Лана не любила этот дом, боялась его. Дом был огромный, серый как крематорий. Над ним, казалось, вьется легкий дымок. В Доме на набережной сжигались эпохи. Обитатели Дома были одновременно покойниками и дровами. Покойники и дрова не иссякали, регулярно поступали в огромную печь.

Лана вошла в суровый подъезд. Из комнатки, где обычно ютятся консьержки, на нее брызнули рыжие тигриные глаза. Они принадлежали старухе, в неопрятной кофте, с морщинистым закопченным лицом. Она была серая, как и сам Дом, пахла дымом. Только глаза хищно горели, как у дикой кошки.

Лана знала, что в подвале Дома расположен музей, в котором рассказывается о жильцах, погибших во время репрессий. Старуха была хранительницей музея. Была жрицей, берегающей священный пепел. Казалось, этот пепел запорошил ее нечесанные волосы, засыпал морщины, наполнил карманы кофты.

Лана торопилась подняться на лифте, чтобы поскорее забыть ненавидящие рыжие глаза.

В прихожей ее обнял хозяин Алексей Васильевич Златоведов.

– Какая ты красивая, свежая. Пахнешь земляникой, – Алексей Васильевич поцеловал ее в шею, захватил губами ее губы, притянул к себе. Лана видела близко его темные брови на бледном лице, нос с горбинкой, смеющийся пунцовый рот, – У меня здесь представление. Я собрал весьма пестрый народец, фотографы, телевидение. Этот Дом – самое загадочное место в Москве. Он был построен, как противоположность Кремлю. Должен был подавить Кремль, уничтожить его священную силу. Должен был стереть духовный центр России. А для этого сам должен был стать духовным центром, только другого знака. Дом на набережной – это Кремль, упавший своими главами в преисподнюю. Кремль и Дом на набережной сражаются по сей день. Кремль сжигает всех, кто поселяется в этом доме. А Дом не дает Кремлю взлететь в русское небо. Поэтому я и купил здесь квартиру. Хочу наблюдать, как сражаются между собой русский рай и русский ад, – Златоведов поцеловал ее в закрытые веки, и ей показалось, что в глазах зажглись и погасли два разноцветных огня.

– Я слышал, тебя приставили сиделкой к вице-президенту? Какой-то летчик упал с самолета и ударился головой о море?

– Он действительно странный.

– Русский народ упал с самолета и ударился головой о море, – Златоведов, придерживая Лану за талию, ввел ее в комнату.

Комната была просторной, с открытым окном, с видом на Кремль. За круглым столом сидели люди, как нахохленные птицы. Было видно, что они не выносят друг друга. Вдоль стен стояли фотографии, репортеры, операторы с телекамерами. Лана присела в сторонке, а Златоведов занял центральное место за столом.

Он был исполнен веселой иронии. На нем был белый пиджак, черная рубаха и красный галстук. На груди красовался серебряный цветок, усыпанный изумрудами.

– Господа, – Златоведов указал на Кремль, – перед нами русская святыня. Наш разговор проходит перед ликами русских соборов. Нам предстоит своеобразное богослужение, которое, как и всякое богослужение, меняет картину мира.

Все обратили лица к окну, за которым парил розовый Кремль с белоснежными крыльями и золотыми глазами.

Лана любовалась Златоведовым. Он был артистичен, внешностью и умом краше остальных гостей. Жонглировал словами, очаровывал тех, кто явился.

– Эта квартира, господа, хранит много тайн. Ее первый обитатель Блюмкин был правая рука Троцкого. Тот посылал Блюмкина в Тибет, в пустыню Гоби на поиски Шамбалы. Шамбала была найдена и легла в основу Красного проекта.

Сам же Блюмкин был расстрелян и ушел в Шамбалу. Вторым обитателем был заместитель Ягоды.

Он занимался разгромом троцкистов и лично расстрелял своего предшественника по квартире, предварительно словив ему обе руки. Третий жилец – заместитель нарком Ежов. Он устраивал в этой квартире гомосексуальные оргии, а потом ехал на Лубянку и пытал заместителя Ягоды, совершая над ним сексуальное надругательство. Перед войной здесь проживал знаменитый врач, которого расстреляли, как врача-отравителя, залечившего до смерти Горького. После врача здесь обитал генерал, планировавший взятие Берлина. Он был разжалован и вместе с Жуковым сослан в Одессу. После войны здесь жил именитый писатель, стал диссидентом, был арестован, сослан в Магадан, а потом уехал в Америку. Тут жил крупный партиец, который вошел в ГКЧП и после провала путча съехал с квартиры и канул. После распада СССР тут поселился богатый азербайджанец, который собирал эскорты из дорогих проституток и направлял их к олигархам. Потом поселился архиепископ, который ведал международными делами православной церкви. До сих пор нет-нет, да и пахнет ладаном. Теперь, господа, здесь живу я, и вы представляете, каково мне ночами? – Златоведов засмеялся. Лана видела, как от смеха дрожат изумруды на его серебряном цветке.

– Теперь же, господа, я хочу услышать ваше мнение по поводу российских дел. Ибо каждый из вас в какой-то сте-

пени исповедует идеи тех, кто жил в этой квартире, – Златоведов указал на высокого смуглого гостя с черными, как сливы, глазами:

– Ведь вам близки убеждения Льва Давидовича Троцкого, не правда ли?

– Троцкий – величайшая мировая фигура. Россия должна гордиться тем, что дала миру Троцкого. Советский Союз – это воплощенный Сталиным троцкизм. Нам нужен новый Троцкий. Он превратит в монолит сегодняшний русский кисель. По сравнению с Троцким Президент Троевидов – жалкая букашка! – глаза троцкиста стали фиолетово-черными и отливали медью.

– Троцкизм превращал Россию в жестокий хазарский каганат. Сталин спас русский народ, который сегодня говорил бы на иврите. Интернационал Троцкого был мировой еврейской диктатурой. Бог послал России Сталина! – маленький белесый историк минуту назад казался любезным. Но вдруг превратился в сердитого хорька. Лицо заострилось, во рту хищно блеснули желтоватые зубы: – К сожалению, Сталин не добил троцкистов, и вот они, пожалуйста, снова здесь!

Лане казалось, две тени, Сталина и Троцкого, бесшумно сражались, крутились под потолком. Тут же метались тени Ягоды и Ежова. Полемисты за столом яростно спорили, оскорбляли друг друга. Сверкали вспышки фотоаппаратов. Перемещались вдоль стен операторы с телекамерами. Златоведов наслаждался спором, не давал ему угаснуть. Вдохнов-

лял одного: «Великолепно! Мощная логика!» Подбадривал другого: «Не поспоришь! Блестящая полемика»!

Среди операторов и фотографов находился юноша, почти подросток. На голове его от волнения трепетал светлый холок. На тонкой шее крутилась во все стороны круглая голова с голубыми глазами, которые то возмущались и темнели, то восхищались, становились прозрачным, как апрельская вода. Ему хотелось вмешаться в спор, он порывался, и с трудом себя останавливал. Принимался фотографировать.

Лана была оглушена криком. Удивлялась ярости, с которой обсуждались дела давно минувших дней. Ненависть, как гарь в курной избе, летела в окно. Кремль, затуманенный ненавистью, превратился в чешуйчатую зеленую ящерицу.

– Друзья, мы прожили ужасный двадцатый век. Весь век Россия провисела на дыбе. Нам пора перевернуть эту черную страницу истории. Конечно, Троевидов – не совершенство, но при нем хотя бы нет репрессий, – это говорил писатель, чьи романы казались бархатными, но были писаны на железе. Он призывал к примирению в культуре, но его творчество множило ссоры. – Нам нужно отбросить эту смехотворную русскую мифологию, – о «Русском чуде», о «Русской мечте». Вступить, наконец, в семью европейских народов, и у нас станут чистить помойки и мыть перед обедом руки.

У писателя было круглое, как осетинский сыр, лицо и полностью отсутствовали брови. Красноватые кроличьи глаза непрерывно мигали.

На него ястребом спикировал член Монархического Союза. С белыми желваками, костяным носом, он прицепил на грудь двуглавого орла. Он метнулся к писателю. Кажется, вцепился ястребиными когтями и стал драть отточенным клювом:

– Во всех русских бедах виноваты проклятые писателишки. Гнусные интеллигентики. После их романчиков взорвали Государя Александра Второго. После их рассказиков расстреляли Государя Николая Второго. Они своими нобелевскими книжонками угробили Советский Союз, который тоже был империей с некоронованным императором Сталиным. Теперь все точат, грызут, отгрызают потихоньку ломоть за ломтем. Ждут, когда упадет государство. Не жаль Троевидова, он слюнтяй, слабак. Жаль Государства Российского. Писателей надо брать на учет, как геев и наркоманов.

Все кричали, били кулаками по столу. В этом хриплом клубке трудно было угадать, кто сталинист, а кто монархист. Кто возвеличивает ГКЧП, как героев, а кто хулил, называет группкой предателей.

Юноша с хохолком порывался вставить слово, но ему не давали. Его выступление не было предусмотрено.

Он огорчился, чуть ли ни плакал, обиженный невниманием взрослых.

Златоведов скользил в этом бурлении, как скользит форель среди горных порогов. Азартно восклицал: «О, великая русская словесность! О, великое русское слово!» И тут же:

«Блок поставил Христа во главе пьяных матросов, вот и получайте теперь бандита в белом венчике из роз»!

Лане казалось, что она сидит у плавильной печи, ее лижут огненные языки. Но в печи был не сплав, а окалина. Гости истребляли друг друга. Каждый изгиб спора увеличивал ненависть. Шло испепеление смыслов. Оставался пепел, тот самый, который усыпал голову безумной старухи, охранявшей колумбарий.

Крематорий продолжал чадить, мгла летела в окно.

Лана видела, что Кремль превратился в огромного липкого моллюска, расплывшегося на холмах.

Она вдруг вспомнила странного офицера, говорившего о сказках. Вспомнила и тут же забыла.

Профессор научного центра старался перекрыть соседей. Утверждал, что в ближайшем будущем человек исчезнет. Ему на смену придет биоробот. Уже теперь Россией руководит не Президент, а биоробот, который управляется из американского центра. Другой эксперт сообщал, что в московском водопроводе обнаружена странная плесень. Она постоянно мутирует. Возможно, она является той «серой материей», на поиски которой человечество отправляет зонды в «дальний космос». Но эта материя уже здесь, на земле. Откройте кран на кухне, и увидите. Люди пьют воду, плесень проникает в кровь, и это увеличивает число самоубийц, террористов, геев. Говорят, что в Магнитогорске, в доме, где произошел взрыв, обнаружена эта загадочная плесень.

Златоведов с наслаждением дирижировал этим хаосом. Иногда вытягивал руки, словно выталкивал из окна в сторону Кремля сгусток ненависти.

Под потолком, в углах, над головами неистовых спорщиков витали тени старых большевиков, троцкистов, следователей НКВД, героев войны и труда, художников, писателей, проституток, торговцев, епископов. Все это множество лязгало затворами, махало ледорубами, декламировало стихи, качало кадиллом, танцевало нагишом у шеста.

Лане показалось, что Кремль исчез. Его больше нет. Вместо него пустота, в которой колеблется мгла.

– Господа, наш творческий диспут завешен, – Златоведов властным жестом остановил крики. Ждал, когда безумные тени снова уйдут в стены, затаятся в кирпичной кладке. – А теперь, чтобы разредить обстановку и дать отдохновение умам, я приготовил для вас сюрприз.

Златоведов повернулся к закрытой двери, ведущей в соседнюю комнату. Издал долгий трубный звук, каким обмениваются охотники в африканской саванне. Двери раскрылись, и в комнату вбежали маленькие полуголые люди. Их было четверо. Они были шоколадного цвета, на ребрах висела кожа, на вздутых животах пучились большие пупки. Черные блестящие волосы были заплетены в косички. На бедрах болтались тряпицы. Это были пигмеи, выписанные Златоведовым из пустыни Калахари. Пигмеи ловко вскочили на стол, затоптали босыми ногами. Их мозолистые подошвы,

твердые, с черными ногтями пальцы застучали по доскам. В руках звенели маленькие цветные барабаны. У пояса висели тростниковые дудки. Дикари поднимали колени, крутились, приседали, подпрыгивали. На щиколотках у них были костяные браслеты с торчащими перьями. Танцоры стучали в барабаны, кружились все быстрее и быстрее. Из толстых губ высывались красные языки. Танцоры быстро вспотели. Их кожа блестела, издавала едкий запах.

Гости ошеломленно смотрели. Перед их лицами взлетали голые ноги, раздавались крики, напоминающие птичий клекот, вой гиены, львиный рык. Пигмея, танцую, выхватили тростниковые дудки, прижали к губам. Стали выплевывать из дудок красные ягоды. Они стреляли ягодами в сторону Кремля. Вместе с красной ягодой из трубки летела слюна. Они поражали Кремль ягодами, обрызгивали слюной. Мерцали вспышки фотографов, крутились операторы с телекамерами.

Потанцевав, пигмеи соскочили на пол и убежали в соседнюю комнату, откуда продолжали звучать барабаны.

– Ну, теперь, кажется, все! – Златоведов поднял с пола птичье перо и воткнул в свои черные волосы. Гости, ошеломленные африканским танцем, уходили.

Юноша с хохолком не хотел уходить. Он схватил Златоведова за край пиджака:

– Я слушал, я принимал участие! Мне не дали сказать! Я имею голос, имею мысли. Здесь все о прошлом, о мертве-

цах. Они все мертвецы, я имею в виду, духовные! Молодежи они не нужны! Мы забыли о них! Нам нужно идти вперед, понимаете! Молодежь не желает жить среди мертвецов, не желает ухаживать за чужими могилами! Мы хотим перемен. Мы хотим изменить эту жизнь! – юноша торопился, задыхался, требовал от Златоветова внимания. Хохолок его страстно трепетал.

Златоветов благосклонно слушал:

– Молодой человек, вы абсолютно правы. Сколько можно жить среди отеческих гробов? Молодежь – вперед! Я с вами.

– Я знал, я знал! Вы великий человек! Мы хотим вас видеть у себя! Приходите к нам!

– А сколько вас? Куда приходите? Как вас зовут?

– Я Юра Чибис! У меня блог, еще не очень много заходов, но я раскручусь! Нас трое! Мы хотим создать партию! Партию будущего! Мы назовем ее: «Ура»! – юноша крутил головой на тонкой шее, моргал круглыми глазами, трепетал хохолком. И впрямь был похож на чибиса, который вскрикивает, кувырывается в синеве.

– Вы Юра Чибис, и кроме вас еще двое. Вас целая стая, – с мягкой насмешкой произнес Златоветов. – Не сомневаюсь, у вас будет мощная партия!

– Мы нуждаемся в вашей поддержке! Мы вас почитаем! Такие люди, как вы, спасут Россию!

– Вот моя визитка, звоните, Юра Чибис! – Златоветов протянул юноши визитную карточку, и тот жадно ее схватил.

Раскланялся, пятясь, выскочил из квартиры.

Лана была оглушена дискуссией, которая завершилась сумбуром. Это была еще одна увлекательная выходка Златоведова, в которой проявился его театральный дар. Златоведов был ярче, смелее, язвительней всех, с кем она встречалась на вернисажах, премьерах, праздничных вечеринках.

Лана любила его черные волосы, которые вились у плеч и начинали мерцать, когда она ночью запускала в них пальцы. Любила бледное лицо, на котором, как на луне, проступали слабые тени, как Море Дождей. Но эти тени вдруг розовели, когда Златоведов восхищался картиной, или слышал острую шутку, или встречал необычную мысль. Эта картина, шутка и мысль должны были жечь, оставляли на его лице розовый ожег, как удар крапивы, который постепенно остывал, превращаясь в слабые тени.

Златоведов слыл мастером художественных импровизаций, знатоком магических затей. Лану увлекал этот театр без театральных подмостков, где актерами становились политики, депутаты, художники. Златоведов был неутомимый выдумщик, не повторялся в своих постановках. Актеры не замечали, что они смешны, а порой отвратительны.

Лана продолжала сидеть, глядя, как Златоведов ходит по комнате, машет руками, словно изгоняет в открытое окно залетевших мух.

В комнате становилось прохладней, исчезал изнуряющий запах потных африканских тел.

– Скажи, Алексей, что это было? – спросила Лана, когда Златоведов перестал ходить и упал в кресло. – В чем твой новый проект?

– Я готовлю Революцию в России, – Златоведов усмехался, по его лицу пробежали легкие судороги.

– Революцию в России совершат пигмеи?

– Революцию совершат малые мира сего. Я искал самых малых и нашел их в Намибии. Купил их через интернет-магазин. Кто мал, да возвысится. А кто велик, да унижится.

– Зачем они плевали в Кремль?

– Стуком барабанов и красными ядовитыми ягодами они расшатывали кремлевские стены. Стены падут, и в Кремль устремится толпа.

– А зачем ты собрал этих достойных людей и заставил ненавидеть друг друга?

– Мы добывали топливо Революции. Ненависть – это топливо Революции, драгоценный русский ресурс. Ненависть – это нефть, которая питает восстание. В России ненависть залегает близко к поверхности. Я ее добываю и сжигаю в топке Революции. Россия занимает первое место в мире по запасам ненависти. Чем больше мы ее добываем, тем больше обнаруживаем ее в пластах русской жизни. Ненависть – возобновляемый русский ресурс. Ты знаешь, почему баррель русской ненависти? Вечера, которые я задумал, – это буровые, из которых я добываю русскую ненависть. Я ее подожгу, и она полыхнет. И тогда все эти убогие политики и философы,

силовики и чиновники, вольнодумцы и скептики, русофилы и юдофилы, все железные дивизии и непотопляемые корабли, Патриарх всея Руси и Президент Троевидов, – все сгорят в восхитительном огне русской ненависти! – Златоведов смеялся. По его лицу, как рябь ветра, пробежала легкая судорога. Черные глаза туманила поволока.

– Пойдем туда, – он указал на дверь, которая вела еще в одну соседнюю комнату.

Эта комната была сверкающе-белой, как операционная. Имела зеркальный потолок без люстры. Была лишена мебели. Только стояла огромная кровать под тяжелым розовым покрывалом. На кровать были направлены яркие лампы.

Златоведов обнял Лану:

– Скучал по тебе, – коснулся губами ее бровей, поцеловал шею.

– Не надо, Алеша. Сегодня столько треволнений, – она слабо отстранилась. Златоведов сильнее обнял ее, побежал чуткими пальцами вверх по спине, отыскивая сквозь платье одному ему известную жилку. Надавил. Лана почувствовала, как уходят из нее силы, она немеет, слепнет, не может противиться.

Златоведов включил светильники, опустил ее на покрывало в слепящий свет. Лана лежала, видела в зеркальном потолке, как он совлекает с нее платье, расстегивает на себе рубаху. И какое-то зеленое море, и солнечные лучи, и серебряные пузыри, и кто-то плывет по морю, как Одиссей, а на-

встречу лодка с нарисованными глазами.

Лана замерла, ожидая, когда ослепительно полыхнет потолок и станет осыпаться сверкающей пылью.

Глава одиннадцатая

Александр Трофимович Верхотурцев получил приглашение от газового магната Бориса Генриховича Шаронова посетить его предприятие в Арктике, завод по сжижению газа. Этот завод был возведен в мерзлоте на берегу Ледовитого океана. Слыл символом русского арктического чуда. Вновь назначенному вице-президенту было в пору показаться народу в арктических льдах, среди рабочего люда, на уникальном предприятии.

Так Лана объяснила Александру Трофимовичу важность этой поездки.

– К тому же, – сказала Лана, – Шаронов близкий друг Президента. Он контролирует несколько комитетов в Думе и в Совете Федерации. Через него Президент ведет доверительные переговоры с политиками Европы и Америки.

Приглашение было принято. Александр Трофимович и Лана летели на Ямал в самолете, поверх облаков, уединившись в первом классе. Глядели, как солнце играет в бокалах шампанского.

– Для меня загадка, не могу отгадать. Почему Леонид Леонидович вдруг ввел должность вице-президента и назначил на эту должность меня. Я не политик, простой офицер, – Александр Трофимович запнулся, потерял мысль, – Хотя я и был спасен, и в том доме на острове, на стене висела ма-

ленькая открытка с изображением какой-то мечети. Край открытки, я помню, отклеился, и я боялся, что она упадет, – Александр Трофимович снова сбился и смущенно умолк.

– Может быть, – Лана улыбнулась, и эта милая улыбка его успокоила, – может быть, Президент хотел, чтобы вы свежим взглядом посмотрели на тех, кто его окружает? Вокруг столько враждующих партий, корыстных кланов. Он хочет, чтобы вы их увидели и дали им оценку?

– Но для этого нужен опыт, нужна проницательность. Кто я такой?

– У вас есть опыт разведчика. С высоты вы рассматривали территорию Сирии, где враждует множество группировок. Планировали безошибочный удар. Теперь вам предстоит увидеть враждующие группировки вокруг Президента, чтобы помочь ему нанести удар.

– Не понимаю, какой удар, какие группировки? Я нуждаюсь в ваших советах. Ведь вы очень проницательны?

– Вы так думаете? – ее трогала беззащитность этого странного человека, с открытым лбом и упрямым подбородком. В нем притаился какой-то надлом, крохотная трещинка, которая дребезжала, издавала тоскливый звук.

– Я думаю так, я так думаю, – он снова сбился. – У вас такая тонкая переносица. Как у той женщины, у прекрасной женщины. Не помню, как ее звали.

– Где вы ее видели?

– Кажется, в Петербурге, зимой, когда шел снег. Да, да,

был сильный снегопад.

– И где это было?

– В Эрмитаже. Там много японцев, они ходили с флажками, и был золотой павлин. Там такая картина, маленькая, прелестная. На этой картине женщина, кормит грудью младенца. У нее чудесное лицо и такая тонкая переносица, как у вас.

– Вы часто бываете в Петербурге?

– Ни разу. Не могу понять, откуда я все это знаю.

– Ну что ж, за ту прекрасную женщину, которой вы были очарованы, Александр Трофимович! – Лана подняла бокал. Александр Трофимович чокнулся и подумал, что произнесся несуразные слова о какой-то неведомой женщине, тем самым мог обидеть Лану. Он никогда не был в Петербурге, не был в Эрмитаже, не знал, есть ли там картина с чудесной женщиной, подносящей к груди младенца.

Самолет стал снижаться, ушел в облака. Облака тихо били в фюзеляж, скатывались с крыла. Вдруг открылась земля. Александр Трофимович ахнул, когда на него воззрилась тысяча глаз. Озера, одни во льду, другие в сверканье вод, смотрели на него не мигая. Среди них струились реки, свивались, описывали дуги, текли вспять, как змеи. Вся земля была в речных протоках, старицах, в блеске разбрызганной повсюду воды. Рыжие пятна, зеленые потеки, снежные языки, ржавые метины. Среди них огромно, непомерно возникла река, как льющееся солнце. Уплывала в синеву, где земля превраща-

лась в небо, а река утекала в солнце.

Александр Трофимович был восхищен видом весенней тундры. Чувствовал, как тундра сочится, булькает, пузырится. Она была живой, видела, думала, знала все о нем, летящем над ней. Он был ею создан, сотворен из этих мхов, вод и снегов.

Самолет стал садиться. Тяжелое дрожание фюзеляжа, стук колес о бетон прервал его созерцание.

У трапа их поджидало несколько дорогих машин. Борис Генрихович Шаронов, окруженный свитой, шагнул навстречу Александру Трофимовичу, сжал его ладонь двумя руками, радостно заглядывал в глаза:

– Добро пожаловать на ямальскую землю! Очень вас ждали, Александр Трофимович. Ваш визит – это большое событие, я бы сказал, арктического масштаба! – Шаронов был в дорогом пуховике. Волчий мех на воротнике дергался от ветра. Капюшон был отброшен. Благородная седина на висках отливала синевой. На худом лице от ветра выступил слабый румянец. Шаронов выглядел как радушный хозяин. Окрестная тундра с остатками снега, бетонная полоса с вертолетами, дорогие внедорожники, почтительная свита, – все принадлежало ему. Казалось, пожимая Александру Трофимовичу руку, он готов был всем этим щедро делиться.

Среди свиты выделялся губернатор, молодой, свежий, в длинном пальто без шарфа, с непокрытой головой, на которой полярный ветер шевелил волосы.

– Я уверен, Александр Трофимович, вам понравится на Ямале. Здесь живут вольные люди, русские богатыри.

Знакомились с руководством завода, инженерами. Александр Трофимович представил Лану:

– Ну как же, как же! – развел руками Шаронов. – Кто не знает Лану Сергеевну Порфирьеву! Лучшее перо «президентского пула»! – он вручил ей несколько белых лилий, чудесным образом появившихся в этой студеной тундре.

Александр Трофимович, едва вдохнул ледяной душистый воздух, уловил дыхание близкого океана. Он оказался среди крепких, порозовевших от ветра людей. Почувствовал бодрое, веселое нетерпение. Хотелось поскорее узнать эту новую, влекущую жизнь.

Ощущение радостной новизны только усилилось, когда они вышли из машины на пирсе.

Океан в рыхлых льдах, сизый, голубой, сверкающий, уходил далеко, теряясь в весенних туманах. Темнела рваная полынья, в ней застыл ледакол с тупым черным носом, белой рубкой и красной чертой вдоль борта. Капитан, увидев на пирсе машины, дал несколько приветственных ревущих гудков.

Вдоль пирса, заслоняя небо, стоял громадный танкер. На палубе круглились три огромных шара, как белые пузыри. Виднелись связки труб, серебряные магистрали, красные вентили. Что-то шумело, вздыхало, чавкало. Раздавался свист. Танкер был, как остров, приплывший к пустынному

берегу. По черному борту желтыми буквами было выведено: «Ямал». Александр Трофимович восхищенным ненасытным взглядом осматривал танкер. Сферы были как гигантские яйца. В них созревали невиданные птенцы. Раздастся хруст, яйцо расколется, покажется клюв, лысая голова птенца, который плюхнет на пирс.

– Танкер пришел из Японии. Возьмет газ и пойдет в Испанию, – Шаронов указывал пальцем на танкер, словно рисовал его контур, заливал этот контур красным, серебряным, белым. – Как раз вы угадали к погрузке.

Весь берег был в сплетениях стали, в перекрестьях металлоконструкций. Высились громадные цистерны, вздымались стальные башни, взлетали ажурные вышки. Извивались бесчисленные трубы. То стремились вверх, то опускались к земле, то уходили под землю, и вновь появлялись, ползли к танкеру. Погружались в его нутро. Все мерцало, вспыхивало, переливалось. Завод казался громадным разноцветным петухом. Он раскрыл синие стальные крылья, вцепился желтыми когтями в мерзлоту, долбил черным клювом. Среди сверкающих конструкций не было видно людей. Завод был огромной машиной, которая не нуждалась в людях.

– Предлагаю, Александр Трофимович, пройти на пульт управления. Там виден весь производственный цикл, – приглашал Шаронов. – Там соберется персонал. Вы, если можно, скажете несколько слов.

Они надели белые каски, нарядились в оранжевые жиле-

ты. Прошли сквозь заводские переходы. Александру Трофимовичу казалось, что его ведут сквозь внутренности металлического великана. Ухало сердце, дышали легкие, поворачивались суставы. Завод был подобием человека, а человек был его малой копией.

Они оказались в диспетчерском зале. Вдоль стен горели экраны, работали мониторы. Перед каждым сидел оператор, иногда поднимал телефонную трубку.

– Этот завод я заказал в Китае, Японии, на Тайване, – Шаронов с гордостью демонстрировал свой завод. – Завод, Александр Трофимович, привезли сюда на сухогрузах отдельными блоками и здесь свинтили. Мы подготовили ему площадку, чтобы каждая скважина, каждая свая, каждая опора соединились точно, как швейцарские часы. Финансирование обеспечили банки Германии, Франции и Канады. Но рабочие русские! Никакие другие рабочие не способны поставить подобное чудо в мерзлоте при температуре минус пятьдесят. Мы вживили этот завод в мерзлоту. Мы посадили его, как сажают дерево. И видите, оно прижилось. Наши работники – это садовники Арктики! – Шаронов похлопал по плечу сидящего молодого диспетчера. Александр Трофимович не мог понять чего больше в этом похлопывании, – отцовской гордости или самодовольства собственника.

Александр Трофимович смотрел на экраны, слушал главного инженера. Тот доступно объяснял невероятно сложный производственный процесс.

В тундре, – рассказывал инженер, – среди мхов и озер, буровые ввинчиваются в глубину, распускают в толще земли пучки труб. Трубы шарят, щупают пласты, впиваются, жадно сосут. Газопроводы подхватывают газовые вихри, укрощают, перебрасывают на завод, гонят в реактор. Реактор дышит, как сердце, перевитое артериями. Газ сжимают, охлаждают, превращают в вязкую жидкость. Жидкость течет из реактора, наполняет громадные, стоящие у пирса цистерны. Насосы гонят сжиженный газ, сливают в океанский танкер, наполняют сферические хранилища. Танкеры отчаливают от пирса, везут газ, – одни в Японию, другие в Европу. Ямальский газ сгорает в топках электростанций, крутит турбины, питает опреснители и кухонные плиты. Кипятит кофеварки и плавит металл для космических кораблей и подводных лодок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.